
Светлана
Рыжехвост
Мама
для крошки-дракошки
Или
Жена Хранителя Севера

Светлана Рыжехвост

Мама для крошки-дракошки, или жена Хранителя Севера

«Литнет»
2022

Рыжехвост С.

Мама для крошки-дракошки, или жена Хранителя Севера / С. Рыжехвост — «Литнет», 2022

Моя сестра - Предназначенная Дракона. Она красива, умна и талантлива, ее ждет блистательное будущее. Я же, по мнению родителей, гожусь лишь замуж, да еще и за такого человека, за которого последнюю преступницу отдать жалко! Вот только в день полного магического совершеннолетия метка сестры не отозвалась на прикосновение драконьего жреца. Эй, я тут совершенно ни при чем! Что? Нет, я никуда не собираюсь... Но меня никто не спросил, теперь мой путь лежит в Драконьи Горы, рядом исходит злостью сестра, а мать с отцом уверены, что я "украла" у неё счастье.#Крошка-дракошка #Главный герой - отец-одиночка

© Рыжехвост С., 2022
© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 30
Глава 4 39
Глава 5 46
Глава 6 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Глава 1

Нон – монах
Нонна – монахиня

– Просыпайтесь, госпожа Фредерика, просыпайтесь, – тихий, напевный голос нонны Шавье медленно вытянул меня из сна.

Вздохнув, я медленно села и улыбнулась:

– Благословите, нонна.

– Благословляю, госпожа Фредерика, благословляю, – тихо ответила нонна и вышла, плотно притворив дверь.

Там, в коридоре, она так же негромко ответила моей матушке, что негодная дочь разбужена и вот-вот займется делами.

Я же, еще даже толком не проснувшись, натянула перчатки. Потом спохватилась, что вначале надо умыться, но… Матушка изволила терзать меня жалящими проклятьями всякий раз, как я забывала эти клятые перчатки. Так что теперь первое, что я делаю, – закрываю кисти перчатками.

И нет, я не больна. А если не больна, то и не заразна.

– Фике! Фике, карета уже у черного хода, – сердито прокричала матушка.

Собираться пришлось втрое быстрей.

И вот, рассматривая себя в тусклое, местами треснутое зеркало, я позволила себе на секунду задаться вопросом: почему? Почему матушка относится ко мне настолько плохо? Мы с Кристин сестры-близнецы, у нее тот же тонкий нос, те же темно-зеленые глаза. И губы те же самые – пухлые, будто оса ужалила. И та же непослушная каштановая грива. И на солнце Кристин сгорает так же быстро, как и я, потому что кожа белая и тонкая.

«Потому что Кристин – Предназначенная Дракону, с золотой меткой на руке», – мысленно ответила я сама себе и посмотрела в глаза своему отражению.

Нам было всего по три года, когда с небес упала половинка искры и впиталась в ладошку Кристин. Ки-ки, как я ее называю, когда хочу взбесить. И с того момента родители поделили своих детей на Кристин-Предназначенную-Дракону-умницу-красавицу-талантливую-колдунью и завистницу-Фике. Последняя, как вы понимаете, я.

И если в детстве я не завидовала – пф, чему бы? То сейчас… О, сейчас я действительно завидую сестре.

– Фике, торопись! – Матушка ударила в дверь проклятьем.

– Ах, матушка, что за шум с утра, – в коридоре зажурчал голос, ничем не отличающийся от моего.

– Ничего особенно, моя маленькая леди Дьерран, – тут же откликнулась матушка. – Фике не торопится. Идем скорей в столовую, не могу налюбоваться тобой. Подумать только, завтра тебе исполняется девятнадцать и уже послезавтра Драконьи Посланники заберут тебя!

– Я буду писать письма, матушка, – благовоспитанно откликнулась Кристин.

– Я буду писать письма, матушка, – передразнила я ее и оправила платье.

Вновь надела перчатки, серые и изрядно поношенные, и вышла. Слуги сновали по дому, наводили порядок и подготавливали дом к новому дню. Господа завтракали в малой столовой, а мой путь лежал на кухню. Пару лет назад меня поймали там за кражей булочки, и с тех пор матушка запретила мне появляться за столом.

«Ты сама это выбрала, Фике, – строго произнесла леди Дьерран, – ты не соответствуешь семье, в которой живешь, сестре, которую позоришь своим поведением. Так пусть же ты скроешься среди тех, на кого так похожа».

То есть среди слуг.

Одно-единственное светлое пятно в моей жизни – нонна Шавье. Ее прислали к нам из центра Драконьих Земель, и она, вот удивительно, любила всех одинаково. Или не любила? В общем, нонна была со всеми тиха и ласкова. И так же тихо и ласково помогала мне укрыться от гнева матушки и едких замечаний отца. Без нонны Шавье моя жизнь была бы куда хуже.

На кухне меня ждали каша, сладкая булочка и стакан какао. Все это пришлось есть практически на бегу: кучер уже был там и сверлил меня неприятным взглядом.

– Ох, как бы нам ноги-то не протянуть, – ворчала кухарка, попивая чаек со своими помощницами, – день рожденья нашей драконьей леди, весь город будет! Упаримся.

– Упаримся, – вздыхали поварята.

– Справимся, – неуверенно произносили младшие кухарки.

– Справимся, – согласно гудела старшая кухарка, – но упаримся. И убегаемся.

А мне хотелось кинуть в них пустой чашкой и крикнуть, что у меня, вообще-то, тоже завтра день рожденья!

Только вот он меня не радовал. Не только из-за того, что всем было плевать. К этому я привыкла настолько, насколько это возможно. Нет.

Как только Кики убудет к своим крылоящерам, меня отдадут замуж. Без праздника и без приданого, а потому пойду я младшей женой. Нет-нет, не в том смысле, что там еще будут женщины. А в том, что у бесприданницы нет права голоса на семейных советах. Мое дело будет кланяться и благодарить, благодарить и кланяться. И выполнять все пожелания мужа-благодетеля.

А из-за драконьих брачных традиций выбранный для меня жених уже год ждет «своей очереди», чем постоянно попрекает невесту-бесприданницу. Все потому, что если одна из сестер Предназначенная Дракону, то, пока ее крылоящерам не отдадут, никто из семьи не имеет права сочетаться браком.

«Как я молилась, чтоб он сдох, или влюбился, или обрюхатил кого и был вынужден жениться не на мне», – с отчаянием подумала я, выходя наружу.

Забралась в кэб и поежилась. Жизнь представлялась мне в исключительно серых тонах. Сейчас меня довезут до фабрики моего жениха, где я до боли в сердце буду заряжать накопители. А после, когда мой магический резерв опустеет, отправлюсь домой, где, если повезет, закончу свое тайное образование.

Почему тайное? О, потому что учителей наняли только для Кики. И мне приходится подниматься на чердак и слушать оттуда.

«Это не жизнь, а какое-то нагромождение нелепых страданий на пустом месте», – подумалось мне вдруг.

Ведь семья моя не бедная, а за Кики и вовсе выкуп дадут. Нет нужды отдавать меня замуж в роли бессловесного скота. Но… Что-то я сделала такое, что заслужила это все. Иной причины просто быть не может.

Начавшаяся тряска выдернула меня из пучины тоски. Почти приехали, уже видна крыша местной достопримечательности. Ткацкая фабрика семьи Шордаг была известна всему нашему городку. Частично из-за испорченной реки, куда сливали отходы от краски, частично из-за скандалов вокруг взрыва одного из колдо-станков, а частично из-за самого Висейра Шордага – человека, основавшего эту самую достопримечательность. Выходец с самого дна, он умудрился построить целую фабрику.

– Госпожа Фредерика, – карета подвезла меня к одному из входов, – прошу, все уже готово.

Станки работают не просто так, а на магической силе, заключенной в накопителях. Год назад Шордаг отправлял караваны в столицу, в Риантрийский Медико-Магический Институт,

чтобы студенты заряжали накопители и имели с этого небольшую денежку. Теперь накопители заряжала я. И не имела с этого ни денежки, ни благодарности, ни какой-либо иной выгоды.

Вот и сейчас комната была полна тускло-серых яйцеобразных камней. Опустившись на неудобный стул, я взяла ближайший камень и подала первый импульс силы. Дальше накопитель тянул энергию сам, мне лишь оставалось вовремя прервать нашу связь.

Последние недели я старательно копила резерв: утащив с фабрики несколько осколков накопителей, я напитывала их силой и прятала в своей комнате под половицей. А нонна Шавье щедро зачаровывала мою дверь, чтобы никому не пришло в голову проверить, что там есть у завистницы Фике. Несмотря на то, что моя близняшка купалась в родительской любви, она не оставляла меня в покое. Портила немногочисленные вещи, совала любопытный нос в личные записи и, разумеется, не переставала издеваться над моими нарядами.

Увы, меня не ждало впереди ничего хорошего, так что… Я могла и рискнуть. Но тс-с, никто не должен знать о моих планах! Вредина Фике, злоязыкая Фике, насмешница Фике – нет больше той меня, что смело давала отпор всей семье. Есть теперь только зашуганная мышка Фике. Мышка, которая готовит большой-пребольшой сюрприз своей «любимой» семье.

Накопитель за накопителем, накопитель за накопителем, я выполняла привычную, рутинную работу ровно до тех пор, пока не почувствовала во рту привкус крови. Вот сейчас можно уходить, главное – хлопнуть дверью, чтобы работники меня заметили. Иначе с Висейра станется закрыть меня здесь до утра, как бывало не раз.

– Фредерика, – Он нарисовался рядом со мной, едва лишь я вышла. – Количество наполненных тобой накопителей не растет. Неужели ты уже достигла своего магического потолка?

– Господин Шордаг…

– Лорд Шордаг, – поправил меня Висейр.

Промолчать удалось с трудом. Лорд. В нашей стране лордов и леди пруд пруди, взять хотя бы леди Аннушку, булочницу с Конной улицы. А все почему? Потому что свиток о полном магическом образовании дает право добавить к имени вежливое и пустое «леди». Или лорд. За этой вежливостью не стоит ничего: ни власти, ни богатства, ни земель. Но да, красиво именоваться можно.

Еще можно получить титул от родителей – тут все понятно: и образование, и земли, и богатство. И последняя возможность – получить крохотный земельный надел из рук королевы-матери по протекции короля.

Висейр Шордаг не имеет ничего из вышеперечисленного, он всего лишь гнусный человечишка, которого и господином-то величать не стоит.

– Фредерика, – тон Висейра стал угрожающим, – как ты должна ко мне обращаться?

– Господин Шордаг. – Я смотрела в пол и видела его тупоносые ботинки. Ботинки, которые стоили дороже, чем все, что было на мне надето.

– Тебя придется учить смирению, – с искренним удовольствием произнес он. – Едва лишь ясноглазая леди Кристин Дьерран выпорхнет из родового гнезда, о-о-о, я сразу заберу тебя. На пятый день недели ты покинешь свой дом.

– Мой долг – молиться о благополучии сестры все то время, что она пробудет в пути. А значит, покинуть отчий дом я смогу не раньше седьмого дня недели, – ровно проговорила я.

– Поговори, поговори. Ты последний раз мне перечишь, Фредерика, – его пальцы болезненно впились в мой подбородок, – дальше ты будешь только молчать и благодарить. Помнишь, что записано в твоем брачном контракте? Ты родишь мне детей, Фредерика, мальчика и девочку. Один продолжит род, вторая укрепит позиции семьи Шордаг. А ты… Думаешь, я не вижу, сколько презрения плещется в твоих глазах? Так вот, ты останешься здесь… Будешь приумножать мое богатство и однажды умрешь, заряжая накопитель.

Я нахмурилась, отбросила от себя его руку и прямо спросила:

– Откуда столько ненависти?

– А ты забыла, как насмехалась надо мной? – Он вскинул бровь. – Ты знатно повеселилась на ярмарке, теперь же настало мое время.

Спорить было бессмысленно и унизительно. Я никогда и ни над кем не насмехалась, но… Наличие сестры-близнеца порой здорово усложняет жизнь. Особенно если эта самая сестра так и ищет повод поиздеваться.

– Иногда я думаю, что в храме стоит выбрать чашу с ядом, – прямо сказала я, глядя в его тусклые, невыразительные глаза.

– Я прослежу за тем, чтобы тебе не предложили ничего настоящего, – процедил он, потемнев лицом.

И я поняла, что его коробит от мысли, что кто-то может предпочесть смерть. Что ж, самоубийство никогда не входило в мои планы, но если Шордага раздражает разговор об этом, то:

– Уйти из жизни можно разными методами. И видит Пресветлая Мать, любая смерть будет благом, если на другой чаше весов жизнь с вами, господин Шордаг. Точнее, не жизнь, а существование. Всего хорошего.

Забираясь в карету, я ругала себя последними словами. Ведь весь последний год я только и делала, что улыбалась, молчала или же молча плакала – не тогда, когда было больно и страшно, а тогда, когда от меня этого ожидали. У меня есть мечта, и я близка к ней. Спасибо нонне Шавье, карманам юбки и криворуким работникам – сегодня мне вновь удалось пополнить запас осколков.

Главное, держать язык за зубами. Не хватало самой все испортить.

Едва лишь я об этом подумала, как карету тряхнуло и меня пронзило острой болью! Пресветлая Мать недвусмысленно намекала: пора надежно прикусить язык.

– Благодарю за науку, – проворчала я и попыталась наскрести хоть какие-то крохи силы на малое исцеляющее заклятье.

Но нет, не вышло.

Карета, как и всегда, остановилась у черного входа. Там же была и нонна Шавье. Покачав головой, она осенила меня круговым знамением, и саднящая боль в прикушенном языке истаяла.

– Говорила я с твоей матерью, – степенно выдохнула нонна, – не желают они видеть, что господин Шордаг хорош лишь как владелец ткацкой фабрики.

– Отец считает, что нашел мне отличного мужа, – уныло кивнула я. – И слышать не хочет ни о чем.

В присутствии родителей Шордаг никогда не позволял себе никаких грубостей. Раньше я верила, что смогу показать отцу всю низость натуры Висейра. Однако добилась лишь того, что мне запретили клеветать на уважаемого человека.

«И разом позабывали, как целый город поднимался фабрику громить, когда слив краски реку загубил», – сердито подумала я.

И потерла ожог, скрытый под тканью старой, изношенной перчатки. Иногда мне кажется, что все мои беды растут из этой отметины. Матушка считает, что я сама себя ею наградила, а я проснулась, просто проснулась с этой дрянью на руке!

«Не удивлюсь, если это проделки Кики», – вздохнула я.

Мой уродливый розовато-блестящий ожог в точности повторял изящный золотой рисунок Кики. И если метку сестры всячески подчеркивали, то меня приучили скрывать руки.

С кухни доносились аппетитные запахи, но времени у меня не было: пора на урок. Тенью проскользнула по центральной лестнице, пробралась на чердак, подхватила целительскую слуховую трубку и легла на пол, точно над учебной комнатой Кики. Хитро прилаженное зеркальце позволяет видеть грифельную доску.

Нехитрое копирующее заклинание перенесло схему заклятья в тетрадь, а я жадно прислушалась к объяснениям преподавателя.

– Таким образом, леди Дьерран, мы понимаем, что драконы – это полностью магическая раса. Их способность к обороту роднит их с иными двуликими, но! Они превращаются в несуществующих зверей. Есть лисы, есть лисы-оборотни, то же самое и с волками, и со змеями. Но только не с драконами. Вы записываете, леди Дьерран?

«Я записываю», – мысленно проворчала я, не желая терять время: есть хотелось просто до потери сознания.

– Да, наставник, – манерно протянула сестрица.

– Мы не будем подробно останавливаться на целительстве, вам нужно запомнить лишь две вещи. Первое – драконам нельзя принимать наши обычные зелья. В лучшем случае состав не сработает, в худшем… В худшем дракон погибнет. И второе – раненого дракона можно спасти своей кровью. Это, разумеется, касается только магов и колдуний, кровь обычного человека для дракона подобна затхлой воде.

Преподаватель сменил схему заклятья на изображение дракона. Очень, такого, кривобокого и страшненького.

– Вам достаточно отворить кровь и щедро окропить рану, окружающая дракона магия сама превратит вашу кровь в живительный туман. Но! Но это работает только в том случае, если дракон находится в своем крылатом облике. Если он в образе человека, то при отсутствии правильных лекарств вы можете лишь молится и давать ему чистую воду.

– Надеюсь, мой нареченный не будет заниматься всякими опасными глупостями, – манерно процедила Кристин, – я не собираюсь портить кожу только из-за того, что ему приспичило пораниться.

Наставник молчал целую минуту, а после сдавленно произнес:

– Знатные драконьи леди носят на поясе особые кинжалы.

– А кинжал носить я не отказываюсь, – высокомерно фыркнула Кристин, – они весьма и весьма красивы.

– Д-да, как правило, помолвка начинается именно с кинжала, – кашлянул наставник. – Что ж, позвольте вас поздравить, леди Дьерран, вы прослушали средний магический курс. Сегодня к ночи вам будет доставлен свиток о начальном колдовском образовании.

– И почему только начальном, – вздохнула Кики. – Могли бы сделать исключение и дать средний свиток.

«А могли к дрыргам тебя послать и заставить учиться нормально», – фыркнула я и поднялась на ноги. Убрала зеркала и слуховую трубку: они мне больше не пригодятся. Взяла тетрадь и спустилась вниз.

Вначале спрятала тетрадь к остальным, переоделась, сменила перчатки и, наконец, поспешила на кухню. Конечно, и обед, и ужин прошли мимо меня, но никто не запретит настругать сандвичей или чего-нибудь такого же.

По пути к кухне я чуть не запнулась: растоптанная домашняя туфелька слетела с ноги. Сердито цокнув, вернула беглянку обратно на ногу и, едва ли не приплясывая от нетерпения, толкнула дверь кухни.

Внутрь темного теплого помещения я вползала змеей – чтобы не потревожить охранки. Это старшая кухарка так заготовки от своих младших поварят охраняет. Ну и от всех остальных, получается.

Хотя она знает, что я подъедаюсь по ночам, а потому в зачарованном на сохранность шкафу меня всегда что-то поджидает. Не от хорошего ко мне отношения, а исключительно ради собственного спокойствия: в кладовых тоже куча сигналок, на срабатывание которых приходится реагировать.

М-м-м, сегодня половинка мягчайшего каравая, щедрый кусок копченой грудинки, мягкий сыр и свежая зелень!

Жаль, что нет сил на светлячок, действовать приходится почти на ощупь. Но, увы, если я оставшиеся крохи магии потрачу, то за ночь мой резерв не восстановится. И тогда… Нет, не хочу об этом думать.

Вместо этого я все свое внимание направила на еду. Тончайшими ломтиками нарезала каравай, на него слой мягкого сыра и сверху ломтик грудинки. И зелени немного, да. Для красоты, исключительно для красоты: зелень никто из наших кухарок выбирать не умеет, а потому и вкуса в ней никакого нет.

В толстостенную чашку налила ягодный взвар и, предвкушая скорый отход ко сну, вышла их кухни.

Все-таки есть в моей жизни маленькие приятности, сейчас достану припрятанную книжечку, прочитаю главу и…

– Фике, это что такое?!

В коридоре я наткнулась на матушку, которая, готова поспорить, на кухню шла с той же целью!

– Я пропустила и обед, и ужин, – ровно произнесла я.

– Какие глупости! Будто я не знаю, что ты гуляла с женихом. Или господин Шордаг оставил тебя голодной?

Усмирив бешенство, я сдержанно выдохнула:

– Я заряжала накопители для его станков. Потратилась почти в ноль.

– Тц, когда ты перестанешь наговаривать на Висейра? – цокнула матушка. – Кто будет заставлять юную невесту заниматься таким тяжелым, грязным трудом? Твое вранье просто невыносимо, Фике. Ты не взрослеешь, не меняешься, все так же привлекаешь к себе внимание глупыми выходками и ложью. Дай сюда и иди спать, немедленно. Леди не едят на ночь!

Задохнувшись от обиды, я просто разжала пальцы, и поднос с вожделенными сандвичами перекочевал в ее руки.

– Вы же можете проверить уровень наполненности моего резерва! – воскликнула я.

Но она не слушала меня. Склонив голову набок, леди Дьерран прислушивалась к чему-то и… Шелест шелковой юбки, перестук подкованных колдовским серебром каблучков – Кики. И тоже на кухню. Что за вечер-то такой?!

– Кристин, все в порядке? – Матушка обеспокоенно посмотрела на вышедшую из-за угла Кики.

– Сегодня было столько практики с наставником, – сестра утомленно прикрыла глаза, – потратилась полностью, мне кажется, я умру от голода.

– Вот, возьми. – И матушка впихнула ей в руки сделанные мною сандвичи. – Поешь и укладывайся, я приду замерить уровень наполненности твоего резерва. До сна и после сна – может, придется вызывать целителя. Это не шутки, можно лишиться дара!

И они ушли. Ушли, а я осталась стоять у дверей в кухню.

В прочем, недолго я там простояла. Вернулась, вновь нарезала грудинку, каравай, налила себе остатки взвара и все это употребила. Стоя. Не выходя в коридор, ибо в этом доме есть еще и папенька. А наблюдать, как мои сандвичи покидают меня второй раз… Не смогу. А книжку… Книжку потом почитаю, нет в ней ничего полезного, одни волшебные приключения. Говорят, писала некая Искра Лоренталь, а за главных героев использовала реальных людей: Ноэль Мор и Кайрнеха Мора. Но я не верю: ее бы тогда наказали. Наверное.

Оставив мысли о книжке, я быстро умылась, переплела косу и улеглась в кровать. И едва лишь приняла удобную позу, как ко мне зашла нонна Шавье. Не говоря ни слова, она замерила мой резерв, покачала головой и вышла. И я знала, что утром она вновь меня проверит,

вновь подожмет укоризненно губы и отжалеет крохотный флакончик с зельем. Зельем, которое поставит меня на ноги в считаные минуты.

Что бы я делала без нонны Шавье?

Проваливаясь в сон, вдруг поймала себя на мысли, что просыпаться не хочется. Совсем. Завтра будет новый день, который будет точно такой же, как сегодняшний. И вчерашний. И позавчерашний. И все дни с того момента, как меня пообещали Шордагу.

«И надежда только на себя», – сказала я себе и все же провалилась в мутную, неприятную дрему.

Глава 2

Нет, не точно такой же день. Сегодня нам с сестрой исполняется по девятнадцать лет. Сегодня я должна быть тиха и незаметна. Мне это позволят, безусловно, ведь все внимание должно принадлежать Кики.

Только ожог на руке кошмарно чешется, но это ничего, это не страшно. Так бывает перед каждым днем рожденья, я уже давно привыкла. Правила просты – достать охлаждающую мазь, густо нанести на поврежденную кожу, затем немного подождать и надевать перчатки. Спасибо алхимикам, что позаботились о детках с режущимися зубками! Не представляю, чем бы пришлось пользоваться, если бы не эта мазь.

Выходя из комнаты, я, как и каждое утро, столкнулась с нонной Шавье.

– Благословите, нонна.

– Благословляю, госпожа Фредерика, благословляю, – тихо ответила нонна и протянула мне маленькую коробочку, – примите, юная госпожа, пусть этот день принесет вам счастье.

– Со счастьем вы погорячились, нонна, – улыбнулась я.

Каждый год я запрещаю себе верить и ждать и каждый год получаю по маленькому подарку от нонны. Монахини драконьих храмов не имеют собственных средств, все, что у них есть, принадлежит храму. Оттого каждый подарок нонны по-особенному ценен для меня.

Поднявшись на цыпочки, я коснулась губами сухой щеки женщины и в ответ получила невесомое поглаживание по волосам.

– Все будет хорошо, девочка.

– Благодарю, нонна, – всхлипнула я. – Вы… Вы сможете…

– Да, – кивнула она, не заставляя меня договаривать.

Иногда мне кажется, что мы очень много не знаем о монахинях. Об их жизни и о том, отчего они выбирают такую судьбу.

Я ведь думала о том, чтобы уйти в храм. Оттуда никто не смог бы меня достать, но нонна… Она была в ужасе. А через несколько мгновений страх коснулся и моей души: по лицу монахини стекали крупные слезы, однако же вслух она говорила о том, что такой выбор будет наиболее правильным.

Эти слезы напугали меня так, как никогда не пугало отношение Шордага! В тот день, в Зимопраздник, я решила не перекладывать борьбу за свое счастье на чужие плечи. В самом крайнем случае, если не удастся сбежать, прямо в храме потребую равный брак – да, бесприданница, но зато магически одаренная! А дар за золото не купишь. Если Шордаг откажется, скажу, что выйду за любого, кто согласен на равный брак. Уж чего я не жду, так это любви и счастья, а значит… Значит, буду требовать уважения и хотя бы минимальной заботы.

Мне и нужно-то немного, на самом деле. Нонна Шавье только головой покачала, когда услышала мои пожелания, касающиеся будущего мужа.

Так, размышляя, я прокралась на кухню, прихватила блюдечко с тарталетками, чайничек чая и от громкого оклика кухарки чуть было это все не выронила:

– Куда?! А ну, поставь…

– А вы не забыли, кто перед вами? – Резко развернулась к дородной женщине. – Как ко мне относится моя семья, не имеет значения. Я – Дьерран, дочь человека, который платит тебе жалованье. И хочу напомнить, как мы жили в прошлом году…

Кухарка сдулась, прикусила губу, а после цыкнула на одного из мальчишек-поварят:

– Подай госпоже поднос, недоросль. Не донесет же.

И отвернулась. А я, пользуясь возможностью, тут же нагребла вкуснятины. Имею право: сегодня и мой день тоже. Всем, правда, плевать, но что поделать, что поделать. Я забочусь о себе сама – и это не так плохо!

Все свое богатство я унесла на чердак, где надежно спрятала в покосившийся буфет. И, прежде чем надежно припечатать все магией, ухватила две шоколадные конфеты и чашку. Что-то мне подсказывает, что сегодня все пойдет не так, как обычно.

Устроившись на подоконнике, я принялась ждать. Нонна Шавье не освободится еще несколько часов: шутка ли – благословить каждого входящего, а после и весь дом? Затем отдохнуть и встречать гостей вместе с хозяйкой праздника!

– Сидишь? – холодный голос сестры вырвал меня из раздумий.

– Сижу, – я лениво повернулась к ней, – с днем рождения, Кики.

– Не называй меня так, – резко произнесла сестра. – Каково это – быть изгоем в своей семье, м-м-м?

Я пожала плечами:

– Неприятно, но терпимо. Каково это – быть Предназначенной Дракону?

– Очень приятно, очень.

– Я видела, как лазурный дракон нес по небу золотую клетку, – я прижалась щекой к холодному стеклу, – ты уж напиши, какого цвета будет твой хозяин. А то пролетишь над нами, а мы и не узнаем.

– Тебе-то что, – зло процедила сестра, – ты будешь на фабрике горбатиться, головы не поднимешь.

– Стерпится-слюбится, – равнодушно бросила я.

– О нет, не стерпится, – протянула сестра, – он тебя не простит.

Я удивленно посмотрела на Кики.

– Он меня?!

– Ты так его обсуждала с подружками, так высмеивала, – с удовольствием произнесла сестра. – Сначала привечала, а после при подружках высмеяла его чувства. Выбросила на помойку ожерелье, что он тебе подарил…

– Ты…

– А ты думала, что я не забуду твою попытку украсть у меня счастье? – оскалилась Кики. – Ты пыталась забрать у меня метку!

– Да не пыталась я!

– В ту ночь, когда ты получила свой ожог, я горела заживо, – зашипела сестра, – мать с отцом удерживали меня магией, а я видела, как тает рисунок на моей руке. Ты хотела испортить мою жизнь и не смогла. А я – смогла. Потому что кто-то из нас полноценный человек, а кто-то лишь ненужная деталь, запасная.

– Шордаг любил меня или тебя в моем платье? – заинтересовалась я. – И что чувствовала ты, когда он ухаживал за тобой-мной? Уж я-то помню, что тебе нельзя было на ярмарку ходить. И в Академию тебя не отпустили, чтобы дракону достался не пользованный товар.

Кики взмахнула рукой, собираясь отвесить мне пощечину, и тут же замерла: я вырастила ледяной щит.

– Только посмей, сестричка. Мне плевать на очередное наказание. Я больше не жду от родителей ни любви, ни понимания. Поедешь к своему дракону с переломанными руками, ясно?

– Шордаг тебе за все отомстит.

– А вот и нет, – я усмехнулась, – а вот и нет. Теперь, когда я знаю правду, я смогу все повернуть так, как мне надо.

«Точнее, смогла бы. Наврать мужчине с три короба, что меня родители заставили так сказать о нем, или придумать что-то поинтереснее, повиниться, сказать, что все понимаю и больше не рассчитываю на его любовь, но… Не хочу. Не могу», – подумала я.

Однако же и этот вариант со счетов сбрасывать не стоит. Придется действовать очень быстро, едва лишь Кики покинет дом, как я… Вдох-выдох, Фике, вдох-выдох, что-то ты

сегодня выбиваешься из образа смирившейся мышки. Спрячем ледяные колючки и забудем обо всем. Тем более что все, что можно было сделать, сделано, и теперь остается лишь ждать.

Кики, стоявшая молча, вдруг криво улыбнулась.

– Можешь не ждать, сегодня к тебе никто не придет.

– Благородная леди ошибается, – тихий голос нонны Шавье заставил меня вздрогнуть. – Дела храма ждут, если измученной душе нужен исцеляющий покой нонны.

– Шла бы ты праздновать, Кики, – сказала я, слезая с подоконника. – Люди хотят видеть Предназначенную, им же нужно о чем-то писать родственникам в соседние города, правда? Готова поспорить, в день твоего отбытия у нас рухнет забор – столько будет желающих посмотреть.

– А ты, я гляжу, осмелела, – сощурилась сестра, – я буду счастлива. Мой будущий муж – дракон, богатый и красивый!

– Так это же прекрасно, – усмехнулась я, – радуйся. Улыбайся, иначе люди заподозрят неладное. А ну как сочтут, что ты недостаточно счастлива?

Бывало и такое, что Предназначенные пытались избежать своей участи. Драконам не так легко найти своих вторых половинок. Отпустив искру, они не могут следить за дальнейшим ее следованием. И только раз в год биение искры отдается в родовых артефактах чешуйчатых гадов. Но если девушка сама не придет в храм… Ох, искать ее можно долго. Если родные не напишут в храм о золотом узоре.

Я не вижу в этом ничего хорошего. И если бы меня заставили выбирать, я бы предпочла побег. Тщательно продуманный, подготовленный побег.

– Мое счастье беспредельно, Фике, – проронила сестра. – Тебе следует спуститься вниз, Шордаг приглашен, и ты обязана его сопровождать.

– Мне мои обязанности известны получше тебя, – осадила я ее. – И приказывать ты мне не можешь. Иди, на этом чердаке тебе официально не рады. Ты не нужна мне, Кристин.

«Ты не нужна, Фредерика», – бросила мне однажды сестра. А я… На тот момент я искренне верила в особую, мистическую связь близнецов. И эти слова причинили мне почти физическую боль. Долгое время я хотела вернуть их ей, а после забыла. И сейчас… Сейчас это было правдой. Если и есть меж близнецами связь, то нам она досталась изрядно попорченной.

Сделав шаг вперед, сестра сбросила на пол конфеты, растоптала их и коротко выдохнула:

– Приятного аппетита.

Резко развернувшись, она покинула чердак.

– Леди Кристин беспокоится из-за того, что мне не удалось прочесть узор на ее руке, – проговорила вдруг нонна Шавье. – Нет такого драконьего рода.

– Не понимаю, – прошептала я.

– Нет одинаковых меток, но есть схожие узоры. Драконы северного предела награждают своих избранниц серебряной меткой. Она может быть похожа на снежинки или иней, или морозную вязь. Драконы Востока издревле используют рисунок собственной чешуи, Западные драконы превыше всего почитают небо, а потому их метка похожа на полупрозрачные облака. И, наконец, Юг – растительно-цветочный орнамент.

– Но у Кики нет ничего из этого, – прошептала я.

– Истинно так, – кивнула нонна.

И помогла мне сервировать стол.

– Возьми, дитя.

В чистую тряпицу был завернут кулон путешественника.

– Нонна…

– Тебе пригодится, – по-доброму улыбнулась она. – Надеюсь, что ты найдешь свой путь.

Я могла только кивнуть.

Кулон путешественника! Подумать только, как она смогла найти такую редкость.

– Он ведь ваш, – дошло до меня.

– Теперь он твой, капни кровью, чтобы никто не смог отнять, – посоветовала нонна и замолчала.

А я, прокусив палец, провела по кулону алую полосу, которая тут же впиталась. Теперь я не замерзну в мороз и не измучаюсь в жару. Кулон путешественника – серьезное подспорье для будущей беглянки.

– Иди, дитя. Лучше, если старшая леди Дьерран обнаружит тебя в твоей комнате, – сказала нонна. – Я уберу здесь.

– Благодарю, нонна.

Тяжело вздохнув, я поспешила покинуть чердак. Боюсь, что мне не удастся отсидеться в своей комнате.

И правда, только я успела упасть на постель и подхватить книгу, как дверь моей комнаты распахнулась.

– Фике, ты еще не собрана? Сегодня Кристин исполняется девятнадцать лет, а ты еще не готова?

– У меня и подарка нет, – я пожала плечами, – и, кстати, не только Кики исполняется девятнадцать.

– Ты не приготовила для сестры подарок? – удивилась матушка.

– У меня нет карманных денег, а работать мне запретил жених, – напомнила я. – Так откуда возьмется подарок?

Леди Дьерран нахмурилась, как будто пыталась что-то вспомнить, и через секунду осуждающе произнесла:

– Ты должна была что-то придумать, постараться. Сегодня ты в последний раз поздравишь Кристин. Ты понимаешь, что она никогда больше не отметит этот праздник с нами? Немедленно переоденься и спустись вниз. Я посмотрю, может, найду что-нибудь, что ты сможешь подарить.

– Для меня тоже поищи, – хмыкнула я.

На что матушка, уже выходившая из комнаты, недоуменно и сердито на меня посмотрела.

– Так для тебя и буду искать, кто еще придет на праздник с пустыми руками?!

– Да нет, я тебе просто напоминаю, что я ее близнец. Ну, знаешь, близнецы рождаются в один день, – я выразительно вскинула бровь, – подарки для второй дочери есть?

Я знала, что если и есть, то вручат мне их либо поздно вечером, либо завтра после завтрака, но… Иногда я любила ставить матушку в тупик.

– Фике… Разумеется, я знаю, кого и когда родила, – леди Дьерран нервно поджала губы, – поговорим об этом позже. Ты должна понять, что это – последний праздник Кристин. Мы… Мы никогда больше не увидим нашу девочку.

Лицо матушки некрасиво скривилось, и она, выхватив из-за рукава платочек, вылетела из моей комнаты.

– Я бы, наверное, даже посочувствовала, – проворчала я, – но как-то не получается.

На самом деле мне было не по себе. Вот только… Дракон не может навредить своей Предназначенной, всю боль девушки он почувствует как свою. Это, конечно, не отменяет словесных издевательств, запретов и чего-нибудь еще, но напрямую ей вреда не причинят. И к тому же дракон, который не хочет искать свою Предназначенную, просто не выпускает Искру. А если выпустил… Что ж, крылоящер, ты сам этого хотел.

Вытащив из шкафа свое единственное парадное платье – в этом году на бал в ратушу были приглашены обе юные Дьерран, – я скрутила волосы в узел и вышла из комнаты.

Пересечь черту личной части дома было особенно сложно. Из-за магической завесы я видела целую толпу, они веселились, о чем-то общались, ели и пили. Делились на стайки,

курсировали туда-сюда по главной гостиной и нет-нет да и бросали взгляды на скульптурную группу Дьерранов.

Кики сидела в кресле. В таком кресле, что можно было бы и штраф получить: никто, кроме королевы-регента, не может сидеть на троне. Волосы ее были закручены в тугие локоны, которые спускались по левому плечу. А платье… Что ж, платье выглядело как воплощенная мечта. Моя. Именно такой эскиз я когда-то набросала. Когда-то, когда верила в свою счастливую звезду. Недаром же мне все детство снилась искристо-голубая звездочка?

– Тебе следовало встретить меня у порога, Фике.

Шордаг появился за моей спиной, и его шепот заставил меня вздрогнуть.

– Что ты делаешь в этой части дома?! – прошипела я, разворачиваясь.

– Ищу свою невесту, разумеется. – Он растянул губы в улыбке. – Ты моя, Фике. И очень скоро тебе придется с этим согласиться. Идем.

Он вывел меня к гостям, с кем-то раскланялся, с кем-то обменялся неприязненными взглядами и, наконец, дошел до скульптурной группы.

– Юная леди Дьерран, – Шордаг низко поклонился, – позвольте вручить вам наш скромный дар. Я знаю, что драконьим избранницам нельзя дарить золото – это может дарить лишь супруг. Но я надеюсь, что этот милый пустяк порадует ваше сердце.

Шордаг показал свою абсолютную невоспитанность, когда открыл коробку и протянул ее Кики.

Шордаг показал свою безумную щедрость, когда на черном бархате засияло колье из лунного серебра и топазов.

– Оно прекрасно, – сестра сладко улыбнулась, – я буду носить его и вспоминать вашу доброту, Висейр.

Правда, футляр она служанке передала с некоторой небрежностью, но это можно списать на нервы.

На какое-то мгновение я подумала, что подарок будет и для меня. Однако же, едва мы отошли в сторонку, Шордаг проронил:

– Завтра прибывают Драконьи Посланники, и все Дьерран должны их поприветствовать. Сегодня день рождения Кристин – получается, что ты на два дня забросила свои обязанности. Послезавтра за тобой прибудет карета, и ты не выйдешь со склада, пока не зарядишь все накопители. А теперь молчи и улыбайся, у меня есть здесь дела.

Уйти к себе мне удалось лишь через несколько часов. Шордаг за это время договорился о поставках ткани, о нескольких визитах: «Нет-нет, моя возлюбленная невеста – изрядная домоседка. Быть может, после свадьбы она изменится. А пока что она отвечает отказом на все предложения» – и об охоте на зайцев.

«Чтоб ты провалился, Висейр Шордаг», – пронеслось у меня в голове.

Получалось, что мои планы придется скорректировать: уходить надо сразу после отъезда Посланников. С фабрики он меня просто не выпустит!

Праздник стремился к своему завершению, гости покидали дом, Кики общалась с гостями с изрядной долей раздражения, а я… Я ждала того благостного момента, когда можно будет уйти к себе. Ноги гудели, голова болела, а скулы сводило от фальшивой улыбки.

К тому же я хотела избежать разбора подарков. Сестрица любит устроиться в кругу семьи, вскрывать коробки, обсуждать и осуждать. И я могу сколько угодно говорить, что ничего не жду, но… Сложно, очень сложно перестать надеяться. Дело даже не в том, что мне нужны именно дары, именно вещи, артефакты или зелья, хотя да, нужны, но! Но я бы страшно обрадовалась чему-то простому, недорогому, но купленному именно для меня. А не вытащенному из шкафа с дежурными презентами.

– С днем рождения. – Ко мне, уже отчаявшейся сбежать, подошла мама.

Простая плоская коробка, чуть примятый бант.

– Внутри серебристо-зеленая записная книжка? – с интересом спросила я. – Та, которую в том году жена градоправителя подарила Кики на Зимопраздник? Артефактное перо сестрица себе взяла, а от остального отказалась.

– Ты осуждаешь подарок, а сама ничего не подарила, – поджала губы матушка. – Разве этому мы тебя учили?

Наверное, это была усталость, но я, взяв из ее рук подарок, ровно проговорила:

– Нет, вы учили меня делить детей на любимых и нелюбимых, достойных и недостойных. Доброй ночи, я устала и хочу лечь.

– Фике, Висейр еще здесь, – осудила меня матушка. – Вы останетесь на семейный чай? Будем открывать подарки!

– Я открою у себя, – припечатала я и направилась к выходу из зала.

– Фике! Вернись немедленно!

А я уже и сама не рада была, что рот раскрыла. Книжицу я хотела оставить на широких перилах лестницы. Ведь вся суть этого дорогущего подарка была в том, что в книжке можно было писать только тем самым пером. И прочесть записи мог лишь тот, у кого в руках перо.

– Вирра, – громкий голос Кики донесся до меня, – отнеси сестрице малахитовое перо, будет от меня подарком.

– Оно ведь не пишет, – удивилась простодушная служанка.

– Зато оно было частью этого бессмысленного подарка, – фыркнула сестрица.

А я ускорила шаг. Кажется, скоро у меня появится прекрасная артефактная пара. Только мне записывать туда нечего: моим секретам в голове не тесно.

«Ха, поправлю коробку, перезавяжу бант, сменю магическую подпись – и будет у меня роскошный подарок на всякий случай, – хихикнула я про себя. – А если что, скажу, что этому меня дома научили».

В своей комнате, уже забравшись под одеяло, я пережила крайне унизительную минуту: горечь, копившаяся внутри весь день, все-таки прорвалась наружу. Шмыгая носом, я стирала с лица слезы и ненавидела себя за слабость.

«Давно пора это все перерасти, – ярилась я. – А ты все ждешь чего-то, дура-дура-дура!»

Чуть успокоившись, прикрыла глаза и провалилась в сон – спасибо извечному магическому истощения, проблем вроде «ох, не могла уснуть» у меня не бывает.

Вот только всю ночь мне снилась крохотная янтарно-зеленая дракошка. Малышка металась в темном небе, боролась с порывистым ледяным ветром и неумолимо проигрывала. Во сне я чувствовала ее эмоции: девочка, а это была девочка, ненавидела себя. Она злилась на себя, ярилась, не принимала… Не принимала свою слабость и зависимость.

«Дура-дура-дура, – билось в голове маленькой дракошки. – Опять поверила!»

Но это были не мои мысли. Это были мысли малышки, что, не справившись с ветром, рухнула куда-то вниз.

Вместо удара об землю я проснулась. И на моей руке – руке, свободной от клейма, – появилась янтарно-зеленая чешуя!

– То есть это все правда?!

То есть сейчас где-то – неизвестно где – разбилась насмерть маленькая дракошка?!

Я никогда не собиралась так быстро, как сегодня утром. Даже клятые перчатки чуть не забыла! Порошком зубным измазалась так, что едва убрала его, а платье и вовсе почти порвала. Вовремя остановилась, когда треск подозрительный услышала.

– Благословите, нонна. – Я поймала ее в коридоре.

– Благословляю, дитя мое. – Она осторожно перехватила мои руки. – Что-то случилось?

Я глубоко вдохнула, затем медленно выдохнула:

– Мне кажется, что сейчас где-то в горах погибает упавший с неба дракончик. Девочка.

Нонна тяжело вздохнула.

– Вам только кажется, юная госпожа, а я в этом уверена.

От такой фразы я оторопела:

– В смысле?!

– Дети встают на крыло, и никто не имеет права им помогать, – голос подвел ее, и она, кашлянув, как-то по-особенному коснулась горла.

– Они же погибнут!

– И отчаяние их родителей будет безмерно, – кивнула нонна Шавье. – Горы – часть драконьих владений. Это своеобразный культурный центр, если ты понимаешь, о чем я. Сами-то кланы живут на островах, а сюда прилетают лишь ради храмов. В центре есть Старший Храм, он окружен непроходимой горной грядой. Пройти в него можно только через подземный ход, а выйти… Выйти лишь с самой высокой башни. С нее-то и слетают малыши, встающие на крыло. За пределами горной гряды их ждут матери – помочь, подставить крыло. Отцы в это время возносят хвалу Небесным Странникам в главном храмовом комплексе.

– А если у ребенка нет матери?

– Значит, отцу следовало жениться хоть на ком-нибудь, чтобы не оставить ребенка в одиночестве, – строго проговорила нонна и вновь коснулась горла. – Вы видели сон?

– Да. И я не понимаю, почему его видела именно я.

– Вероятно, это влияние особой связи близнецов.

– Не думаю, что у нас с Кики есть эта самая связь.

Нонна только улыбнулась и, легко покачав головой, удалилась в сторону лестницы. Ее утренняя рутина только начиналась – поднять лорда и леди Дьерран, благословить их, благословить весь дом... Как она, должно быть, от нас устала.

"А ведь сегодня и ее последний день, – пронеслось у меня в голове. – Куда же она отправится дальше?"

Но гораздо больше меня волновала янтарно-зеленая дракошка. Я коснулась пальцами чешуи на своем запястье и ахнула: пластинки были ледяными. Она замерзла насмерть?!

Потерев чешуйки, я отметила две вещи: во-первых, отток магии был очень и очень сильным, а во-вторых, упругие пластинки стали теплее.

"Ох, не того ты себе помощника нашла, малышка", – подумала я. Мне ведь сегодня уходить, а с магическим истощением далеко не уйдешь.

Вот только... Кто еще ей поможет? Кики? Судя по тому, что связь крошка установила со мной, сестрица от нее уже отказалась.

"Как бы это узнать? – подумала я. – Неужели Кики могла бросить ребенка умирать?"

Неужели я брошу ребенка умирать?

Тяжело вздохнув, вновь коснулась ледяных чешуек и уже полностью сознательно поделилась с ними магией.

Руку обожгло теплом. Излишки магии соскользнули по запястью и яркими искрами рассыпались вокруг меня.

Что ж, это вполне посильно. По крайней мере, для меня.

– Доброе утро, матушка, – раздался манерный голосок сестрички.

И я тут же шмыгнула в свою комнату. Послушаем-послушаем.

– Доброе, мое солнышко, – пропела матушка, – девочка моя, последнее ведь наше утро. Как ты спала, ясная моя?

– Сначала не очень хорошо, – голос сестрицы помрачнел, – мне снилась какая-то драконица, она куда-то летела, было холодно и гадко. Мне не понравился этот сон, я пожелала проснуться. Помнишь, как ты меня маленькую учила, если кошмар вдруг снится?

– Помню, и что же случилось дальше?

– И проснулась. Служанка принесла мне теплого молока с медом, и я вновь уснула.

"Не желаю иметь с тобой ничего общего, – проговорила я мысленно. – Гадко ей было, холодно ей было. А малышке каково было? Неужели ты не чувствовала, как больно тонким крылышкам? Как порывы ветра выворачивают суставы? Как леденеет детская, не сменившаяся чешуя?!"

Мне еще ни разу в жизни не было так противно. Неужели от Кики убыли бы эти крохи магии? Малышка "отъела" от меня меньше, чем я трачу на заряд одного накопителя! И это немало, но… Но Кики никуда не нужно бежать, ничего не нужно делать: ее доставят к будущему супругу едва ли не на руках! Тут можно и неделю с истощением провести, ничего не случится!

– Знаешь, в это время драконы встают на крыло, – осторожно проговорила матушка, – не думаешь, что это могла быть сестра или дочь твоего дракона?

– Значит, нужно лучше следить за детьми, – отрезала Кики. – Ты же, матушка, не оставляла меня в одиночестве? Вот. И ему не следовало.

– У драконов есть традиции...

– Тогда тем более, – фыркнула сестр... юная леди Дьерран, – я не собираюсь идти наперекор канонам. Может, они таким образом отсеивают достойных от недостойных.

Тут уже я не выдержала, распахнула дверь и ядовито спросила:

– А когда твой ребенок будет подниматься на крыло, ты так же рассуждать будешь?! Ты-то не драконица, подстраховать малыша в воздухе не сможешь.

– Его отец...

– Его отец в этом время будет в главном храме, вместе с другими отцами, – усмехнулась я, – так что ты будешь делать, а, Кики? Плакать? Или, как раньше, похоронила, повыла, забыла и родила следующ...

Хлоп!

Мою щеку обожгла пощечина.

– Не говори о том, чего не знаешь, – отрезала подлетевшая ко мне матушка, – то мог быть просто плохой сон!

– Нет, – я стянула перчатку, – когда она отреклась от ребенка, малышка потянулась ко мне. И я от нее не отказалась.

Матушка уставилась на чешуйки, а после даже подняла руку и коснулась их.

– И что дальше? – Кики фыркнула. – Как ты поможешь? Крылья отрастишь?

– Нет, – я пожала плечами и погладила все еще теплые чешуйки, будто пытаясь стереть прикосновение леди Дьерран, – я просто делюсь с ней магий. Дракошка сама справится.

– Что ж, – матушка взяла себя в руки, – что ж, от тебя тоже есть польза. Кики, когда тебя спросят, скажешь, что это твоя сестра отказалась от ребенка, а ты приняла связь. Путь к супругу будет долгим, драконочка либо выберется – и связь истает, либо умрет – и связь опять же истает.

От деловитости леди Дьерран меня начало мутить.

– Я поняла, матушка, – пропела Кики.

А я поспешила закрыться.

На прикроватной тумбочке лежал вчерашний подарок. А на нем артефактное перо. И мне вдруг до боли захотелось сделать первую запись, хоть я и собиралась сохранить этот "передарок" целым.

Бороться с желаниями я не стала, и через несколько минут на дорогой кремовой бумаге красовалась запись с завитушками:

"Я презираю свою семью".

Полюбовавшись на запись, я закрыла книжку и убрала ее вместе с пером в коробку.

И пусть я не хотела выходить, но неизвестно, сколько еще дракошке понадобится сил. А значит, голодать нельзя. Тяжело вздыхая, я поплелась на кухню.

– Госпожа, госпожа!

Повернувшись, я увидела Вирру, служанку Кики.

– Что ты хотела?

– Лорд и леди Дьерран и молодая леди Дьерран желают видеть вас за завтраком.

Криво улыбнувшись, я коротко ответила:

– А я не желаю. Однажды мне указали место, и оно мне понравилось.

– Я так и знала, что ты будешь плеваться ядом. – В конце коридора стояла старшая леди Дьерран. – Ты понимаешь, что больше не увидишь сестру?

– Ты понимаешь, что скоро ты больше не увидишь ни одну из своих дочерей? – вопросом на вопрос ответила я.

– Что за глупости? Ты остаешься здесь, с нами, – удивилась она.

Я на это только головой покачала.

– Ты думаешь, чета Шордаг будет частым гостем в твоем доме? Или, быть может, ты думаешь, что Кики привезет тебе внуков? Нет, не привезет, и ты должна это понимать: дети Предназначенной всегда драконы, от людей они не берут ничего. А драконят до малого совершеннолетия никто никуда не отпустит. Так через семнадцать лет ты увидишь чужих, практически взрослых драконов, что заедут к тебе по пути в Академию.

Она промолчала, и я спокойно добавила:

– И моих детей ты тоже не увидишь, даю слово.

– Откуда столько злости, Фике?

А в голосе искреннее недоумение. Настолько искреннее, что я на мгновение допустила мысль, что, быть может, во всем моя вина. Но… Но чешуя на руке, равнодушие матери к кошмарному поступку дочери и деловитое: «…либо выберется – и связь истает, либо умрет – и связь опять же истает...» Нет, моей вины нет. Это люди такие.

– Ты запретила мне получать образование, помнишь? – с усмешкой спросила я, понимая, что доказать ничего не смогу.

– Кики очень переживала, что ты пойдешь в Академию, а она нет.

– Но учителя наняли только ей, – усмехнулась я.

– У тебя вся жизнь впереди, – напомнила леди Дьерран, – кто помешает тебе поступить в Академию после свадьбы? Висейр считает это правильным. Ему нужна образованная жена.

– Блажен, кто верует, – усмехнулась я и шагнула на кухню.

Набрала на поднос вкусностей и вышла. Матери в коридоре уже и не было. И пусть. Пусть играют в "идеальную семью" без такой гадкой и неправильной меня. В кои-то веки мне действительно все равно.

После завтрака я вновь поделилась с дракошкой магией и, крепко подумав, улеглась поспать. Стоит восстановить силы, а сон в этом первый помощник. Да и вдруг дракошку смогу увидеть? Сказать ей, что не оставлю. Пусть работает когтями и крыльями, цепляется за жизнь и не сдается. Ведь если сдашься, то так и не узнаешь, что же тебя ждало за лентой победителя.

Дрёма ласковым крылышком коснулась моих век, но, увы, полноценно уснуть я не смогла: истеричный стук в дверь прогнал несмелый дневной сон прочь.

– Открывай! Открывай, Фике! Гадина-гадина-гадина!

Голос за дверью принадлежал моей сестре.

«Сестре-близнецу», – поправила я сама себя и четко поняла: ни при каких условиях мне нельзя кричать. Ибо голос становится настолько мерзким, что даже голова болеть начинает.

– Леди Дьерран, не пристало Предназначенной являть миру столь яркие эмоции, – а вот этот холодный, пустой голос мне не знаком.

Вкрадчивый стук в дверь:

– Юная леди Дьерран…

– Она не леди, – ядовито прошипела сестра, – у Фике нет магического образования. Ее способности сильно ниже среднего!

«Я бы с таким удовольствием размазала тебя по дуэльной площадке, – мечтательно подумала я, – но вот беда: за Предназначенных выходят сражаться их драконы. А на крылоящера меня, увы, не хватит».

– Одну минуту, – громко произнесла я, когда стук повторился, – я отдыхала, мне нужно привести себя в порядок.

«Судя по всему, что-то пошло не так и они опять нашли виноватую, – думала я, лихорадочно расплетая волосы и приводя в порядок свое самое нарядное платье. – Мне следует показать себя с лучшей из сторон».

Через несколько минут я была готова: толстенная коса переброшена через левое плечо, платье идеально отглажено (хвала магии и Пресветлой Матери, что заповедала жрецам своим учить бытовым заклятьям всех, кто придет в храм), а на лице ни следа сна. Я даже успела рот ополоснуть и теперь благоухаю нежной мятой.

И перчатки, куда же без них.

Распахнув дверь, я тут же склонила голову перед ноном:

– Благословите, нон.

– Благословляю, дитя, – прошелестел высокий и худой старик. – Следуй за мной.

И я молча пристроилась позади нона. Задавать ему вопросы бесполезно, не думаю, что он отличается от нонны Шавье, а та либо сразу говорит, либо молчит, как проклятая.

Пришли мы в итоге в тот самый зал, где проходил день рождения Кики. Там же сейчас находился большой, выше человеческого роста, куб, поставленный на один из углов. Этот самый куб был полупрозрачен, внутри него бился яркий свет, искры которого подсвечивали начертанные имена и фамилии драконьих родов.

– Метка юной леди Дьерран не отозвалась на силу Небесных Искр, – негромко, вкрадчиво проговорил нон.

– Ты украла у меня все, – прошипела сестра.

– Кики, успокойся, – фыркнула я, – пусть родители и верят в эту твою сказочку, но я специально ходила к храму Пресветлой Матери и спрашивала, возможно ли украсть чье-либо Предназначение. И представь себе, ответ был прост: нет, невозможно.

– Разумеется, – согласился со мной нон, – однако же бывают и казусы. Прошу вас, коснитесь одной из граней Вместилища.

– Которой? – деловито уточнила я.

– Любой, место прикосновения не имеет значения.

Я, стянув перчатки, поочередно коснулась куба что левой, что правой руками. И… ничего не произошло. Повернувшись к матери, я не сдержалась и ехидно проговорила:

– Что, украла и потеряла, да? Вы так теперь думаете?

– Тише-тише, – успокоил меня нон. – Теперь коснитесь граней одновременно.

И снова ничего!

– Теперь пусть леди Дьерран положит руку на ладонь юной госпожи Дьерран. – Нон не терял присутствия духа.

В тот момент, когда сестра коснулась меня, куб ожил. Но вместо того, чтобы явить нам имя будущего кикивладельца, он устроил настоящую феерию света. Вспыхивали отдельные части имен, из которых не удавалось собрать ничего, абсолютно ничего вразумительного!

– Что ж, все ясно, – удовлетворенно кивнул нон, – сестры Дьерран могут отправиться собираться: девушки должны посетить Старший Храм.

– Тот, с которого драконят скидывают? – подозрительно уточнила я. – У нас нет крыльев.

– Людей из него выпускают через тот же вход, через который и запускают, – благостно отозвался нон.

И я, набрав в грудь воздуха, решительно произнесла:

– А что мне будет за то, что я соглашусь поехать с вами?

Сгустившуюся тишину можно было потрогать руками и, возможно, собрать ложкой… Но мне было совершенно безразлично как на мнение семьи – оно у них вряд ли поменяется, – так и на мнение нона: наши дороги разойдутся и вряд ли когда-либо сойдутся вновь. А вот умирающая в снегу дракошка мне не безразлична. И раз уж мы идем в тот храм – пусть ищут мне ребенка!

– Прошу прощения? –нормальным голосом осведомился нон. – Что вам будет за то, что вы побываете там, куда нет доступа рядовым людям?

– Да, – я чуть струхнула и, как это всегда со мной и бывает, еще сильней обнаглела, – а что? Мне туда не надо, я уже год как замуж выйти не могу. Вы знали, что...

– Знал, – оборвал меня нон, – я ничего вам не дам.

– Значит, я никуда не поеду. Нет такого закона, чтобы не Предназначенную в горы увозить!

– Фике! – взвыла матушка в унисон с Кики.

Но я их проигнорировала. Жрец сверлил меня темным тяжелым взглядом, но уже через минуту сдался:

– Сколько? Тысяча, две? Благословение на счастливое деторождение?

Я все это послушала, а после спокойно сказала:

– Нет, по дороге к храму умирает маленькая дракошка, мы должны найти ее. Потратить столько времени, сколько потребуется, привлечь стольких людей, магов и драконов, сколько потребуется. В противном случае я не позволю вам себя использовать.

Нон опешил:

– Какая дракошка? Юная драконица?

– Какая там драконица, когда у нее чешуйки еще детские, – фыркнула я. – Малюсенькая дракошка.

– Вы сказали, у вас нет образования, – протянул нон, – как интересно. Откуда у вас связь с драконицей? Уж простите, но, в силу образования и происхождения, я не могу использовать ваш… вариант именования.

– Она мне приснилась, а после... После у меня появилось вот это. – Я показала ему запястье. – И учтите, я действительно могу запереть в себе магию.

Жрец замолчал. Он смотрел на мое запястье, на Кики, что вся изошла алыми пятнами (так, запомнить: мне краснеть нельзя), на старшую леди Дьерран и в итоге негромко проговорил:

– Позволите проверить?

– Разумеется, – кивнула я, – мы же деловые люди.

Нон мои слова проигнорировал и жестом подозвал к себе оробевшую Кики, затем приказал мне:

– Кладите ладонь на Вместилище.

А я, вызвав в себе то ощущение, которым меня накрывало при зарядке последнего накопителя, лишь сосредоточенно кивнула. Кики уложила поверх моих пальцев свою ладонь, и куб остался нем.

– Как это возможно? – оторопел жрец.

Он, положив свою руку на ладонь Кики, так придавил нас к кубу, что у меня от боли слезы выступили. Однако ж куб остался нем.

– Может, кровь использовать? – обеспокоенно произнесла старшая леди Дьерран.

И кто-то из иных нонов возмущенно прошипел, что Вместилище нельзя осквернять кровью. Я же порадовалась, а то они нацедили бы с меня пару мешков крови, и дракошка осталась бы в снегах.

– Объясните мне, прошу, – настойчиво повторил жрец.

– Уже год я каждый день заряжаю накопители для ткацких станков, – тихо проговорила я. – До изнеможения, до кровавых мушек перед глазами. Иногда получается так, что истощение наступает в процессе заряда, и тогда приходится рвать связь с накопителем. Что, признаться, не всегда у меня выходило. Но я научилась, жить-то хочется. Выгоревшие маги живут недолго и очень мучительно, сами знаете.

– Да, – медленно кивнул жрец.

– Фике, – потрясенно выдохнула старшая леди Дьерран, – Фике...

А я... Я даже не стала к ней поворачиваться. Мне стало все равно. Все мои мысли были только о дракошке, которая замерзала в снегах.

– Хорошо. Я лично возглавлю поисковую бригаду, – проговорил жрец. – Учитывая ваш контроль силы, юная леди Дьерран...

– Она не леди, – напомнила моя сестра.

– Для вас – быть может, – кивнул жрец, – но я ясно вижу, что юная леди Фредерика обладает запредельным контролем над собственной магической силой.

– Да, я тоже это вижу, – отстраненно проговорила старшая леди Дьерран.

Нон кивнул и вновь обратился ко мне:

– Позвольте узреть ваши воспоминания? Я правильно понимаю, что свет Искры коснулся леди Кристин в вашем присутствии.

– Да, – отрывисто произнесла я. – Но... Мне будет так же больно, как и тогда?

И пусть никто не верил моим детским воспоминаниям, я себе верила!

– Я мог бы оградить вас от проживания прошлого, но тогда... Тогда вы должны полностью мне довериться.

– Да, – выдохнула я, – да. Даже если это будет последнее, что я сделала в этой жизни, я хочу знать, что тогда произошло.

Меня заставили лечь рядом со Вместилищем и сразу предупредили: прошлое будет видимо на каждой грани, так что ничего утаить не удастся – слишком много наблюдателей.

– Мне скрывать нечего, – отрывисто произнесла я.

В висках появилось легкое покалывание, затем мозг будто подернулся ледяной пленкой, и на одной из граней я увидела двух смешных девчонок.

Одна в зеленом, вторая в голубом. Девочки мирно играли, вокруг них был раскинут защитный полог. Я сразу узнала наш сад, кусты роз и садовых гномов.

– Фике в зеленом, – негромко проговорила старшая леди Дьерран, – ее невозможно было обрядить в другой цвет. Кики же до той ночи предпочитала голубой.

Я прикипела взглядом к себе-малютке. Смешная, такая толстощекая, что кнопка носа едва виднеется. В этот момент затемненная картина прошлого осветилась золотисто-зеленым светом и...

– Искра упала на меня, – с горечью произнесла я. – Мои воспоминания не лгали.

Я-малютка закатилась страшным плачем, и в ту же секунду малышка-Кики сунула обе руки в окутавший меня свет. Что-то ярко сверкнуло, и я-малышка заплакала еще громче. Маленькая Кристин принялась заливисто смеяться, откуда-то прибежали родители, и я услышала свой приговор:

– Такая маленькая, а уже завидует сестре. Что нам делать, дорогой? Я ведь помню, как мои сестры издевались надо мн...

Куб погас.

– Ты приговорила меня, – я села, – приговорила, даже не разобравшись. Заклеймила завистницей двухлетнего ребенка.

– Трех, – тихо проговорила старшая леди Дьерран.

– Трех, – вздохнула, – да хоть четырех. Много ли дети понимают в этом возрасте?

– Собирайтесь, – отрывисто произнес помрачневший нон, – у нас истекает время.

– Вы что-то поняли? – нахмурился лорд Дьерран, стоявший до того молчаливо, что я его и не увидела. – Моим дочерям грозит беда?

– Дочерям? – Я залилась смехом. – Дочеря-ам, помилуй Мать Пресветлая, снизошел! А то все Фике-лгунья да Фике-завистница. Не надо мне. Ничего не надо. Нон, храмы ведь помогают неимущим?

Чета Дьерран вскинулась, но сказать ничего не успели, оторопевший жрец осторожно кивнул, и я деловито проговорила:

– У меня нет зимней одежды. Только утепленный плащ, а он, боюсь, плохо подходит для гор.

– Нон Рифас, доставьте все необходимое, – отрывисто произнес старик и искоса посмотрел на старшую леди Дьерран. – Сестры сейчас уязвимы, им необходим абсолютный покой.

С той стороны Вместилища донеслось кроткое:

– Да, всеблагой нон.

– Соберите личные вещи и спускайтесь, до подножия гор теплые вещи вам не понадобятся, – отрывисто произнес старик.

И я стремглав бросилась наверх. Как бы это ужасно ни звучало, пусть я хотела спасти малютку, но по всему выходило, что это и мне на пользу. Метки Предназначенной мне не достанется, даже если свет Искры был для меня, из Кики его не достать. А значит... Значит, с гор я спущусь совсем с другой стороны. Найду простенькую школу магии, отучусь, потом отработаю долг и буду свободным дипломированным специалистом!

Мурлыкая, я достала потрепанный саквояж и, распотрошив тайник, покидала в него свои конспекты, осколки накопителей, поверх уложила записную книжку с артефактным пером. В поясную всевмещающую сумку улеглось мое нательное белье, пара платьев, брюки с рубашками и невеликие сокровища в виде нескольких серебряных сережек да подвески с одиноким сломанным крылом. Это мне подарила Кики. Этакий прощальный дар – в тот год мы окончательно разругались и...

Это моя память о том, что свою семью мне придется создавать самой. И я уж точно не разделю своих детей.

"Или рожу одного, чтобы даже соблазна не возникало", – хмыкнула я про себя. А после подумала и вытащила подвеску. Такие вещи нужно носить при себе, чтобы не забывать.

Взяв саквояж и застегнув на талии ремешок поясной сумки, я спустилась вниз, прошла сквозь пустынный холл и вышла на улицу.

– Это все? – Нон Рифас недоуменно уставился на мой саквояж.

– Любимая дочь там. – Я кивнула на Кики, рядом с которой стояли родители. – А я так, обуза. Как колбаса, упавшая в лужу: и бросить жалко, и съесть противно.

Молодой нон хотел что-то сказать, но в этот момент я ощутила убийственный холод. Кажется, моя дракошка вновь истощила свою силу.

Прикрыв глаза, я уложила пальцы на запястье и начала медленно, дозированно передавать силу. Увы, но я только сейчас вспомнила, что дети не способны удержать постоянный поток магии. Им нужно передавать понемногу, по каплям. А это в разы сложней. Клянусь, если бы не ситуация, я бы не взялась: не каждый дипломированный целитель за это берется!

Сила шла трудно. Капля за каплей, капля за каплей. В этот момент я как никогда остро поняла: только бесконечные муки с накопителями позволяют мне раз за разом начинать и обрывать передачу силы.

Наконец чешуя потеплела, и связь между нами уснула.

А я, обратив внимание на реальность, заметила, что мои плечи укутаны теплым пледом, а рядом замер нон Рифас с чашкой горячего чая.

– Я сахару добавил, – шепотом проговорил нон, – пейте.

– Сп-пасибо, – кое-как выдавила я.

Несколько глотков наполнили мое тело теплом, и я благодарно посмотрела на молодого нона. Он, правда, моего взгляда не заметил: покусывая обветренные губы, он косился то на чету Дьерран, то на Кики, то на роскошнейшую карету. И, видя, что я не собираюсь подходить к родителям, негромко проговорил:

– В пути вы имеете право на те же самые почести, каковые будут оказаны вашей сестре. Но… Если хотите, вы можете поехать в нашем дилижансе. Там свободно одно место: нон Теймир решил остаться здесь. Будет чуть тесновато, но у нас есть пирожки.

– И нет Кики, – кивнула я. – Это прекрасное предложение, нон Рифас.

Он забрал у меня опустевшую чашку и подвел к неказистому, многое повидавшему дилижансу. Открыл для меня дверцу и…

– Благословляю, малышка, – тихо проговорила она. – Забирайся скорее.

Внутри было не так и тесно: дилижанс восьмиместный, а нас всего пятеро. Нон Рифас, нонна Шавье, я и еще две незнакомые женщины, тоже в храмовой одежде.

– Правда всегда выходит, – тонко улыбнулась нонна Шавье, – а ты мне не верила.

Я лишь вздохнула:

– Они найдут себе оправдание, нонна. А даже если и нет – мне уже ничего не нужно.

Нонна Шавье мягко покачала головой и хотела что-то сказать, но с улицы послышался яростный возглас:

– Моя невеста никуда не поедет! Фике! Фике, немедленно вылезай!

– А вот и Шордаг, – я покачала головой, – все-таки у него есть шпион в доме Дьерранов.

– Куда ты? – нахмурилась нонна Шавье.

А я, уже положившая руку на дверцу дилижанса, тихо проговорила:

– Надо попрощаться.

– Он того стоит? – с сомнением спросила нонна Шавье.

– Где она?! – продолжал разоряться Шордаг.

– Я того стою, – серьезно ответила я, – мне хочется поставить точку.

– Зачем трогать то, что и на вид, и на запах похоже на птичий помет? – укоризненно спросил нон Рифас.

– Надо сказать все то, что во мне копилось, – серьезно проговорила я, – иначе все эти невысказанные вещи сведут меня с ума.

Выбравшись из дилижанса, я неспешно подошла к эпицентру скандала. И, судя по скрипу ступенек, нон Рифас отправился следом.

Такая забота была приятной. Незнакомой, но очень, очень приятной.

– Господин Шордаг.

Он стоял в нескольких шагах от четы Дьерран, я встала напротив него и с нескрываемым удовольствием засветила вокруг себя ледяной шипастый щит.

– Вы так отчаянно звали меня, что-то случилось?

А Шордаг... Шордаг был в ярости. Видит Пресветлая Мать, если бы из дилижанса были видны его налитые кровью глаз, то я бы ни за что не вышла. И все невысказанные претензии просто растворились бы сами собой: все-таки я не раз и не два позволяла себе высказаться.

– Ты. Уходишь со мной! – процедил он.

– Заряженные накопители кончились? – ехидно спросила я. – Всеблагой нон считает, что мне должно сопровождать юную леди Дьерран в храм. Если бы вы были утром у нас дома, то знали бы, какая приключилась... Оказия. Каково это, Кики, – украсть у сестры Искру Предназначенной?

Сестра вскинулась:

– Я была ребенком! И я этого не помню!

– Тогда ты можешь сказать, что я обманываю, а всеблагой нон так себе менталист, – подсказала я.

Но не нашлось дураков, способных усомниться в силе старика. А жаль, скандал мог выйти еще более веселым.

– Фике, прекрати, прошу, – устало проговорила старшая леди Дьерран, – поезжай спокойно в храм, затем возвращайся. Мы с отцом подготовим тебе брошюры Академий. Мы... Мы так виноваты перед тобой. Ты поступишь туда, куда захочешь. Клянусь.

– Я приложу все свои силы, чтобы не вернуться, – легко и просто проговорила я, – родители мне были нужны годы и годы назад. Теперь я сама буду выбирать себе семью.

– Фике, ты не знаешь, но я была нелюбимой дочерью, – еще тише проговорила леди Дьерран, – мои сестры издевались надо мной, наушничали матери, а та никогда мне не верила. И я испугалась, испугалась, что...

– Лучше бы ты испугалась стать такой, какой была твоя мать, – усмехнулась я. – Амулет правды может купить любой, хоть немного обеспеченный человек. Они вон в каждой лавке по несколько штук стоят. Но ты решила поделить детей. Как когда-то сделала твоя мать.

– Фике...

– Выбирайте тон, юная леди, когда говорите с матерью, – отмер лорд Дьерран.

– Ах, простите мне мою невоспитанность, я совсем забыла уроки хороших манер, – оскалилась я и тут же, охнув, добавила: – О, нет, не забыла. У меня их просто не было!

– Вы подписали со мной договор, – отмер Шордаг, молчавший все это время. – Ваша дочь станет моей женой.

– Я не стану вашей женой никогда, господин Шордаг, – хмуро, устало проговорила я. – Вы дурак, слепой дурак. На ярмарке вас оскорбила Кики, а не я. И вы, мучая меня целый год, так и не заметили между нами разницы. А я, между прочим, летела к вам как на крыльях. Я думала, что вот оно, вот, я покину эту семью и обрету свое счастье в муже и детях.

Шордаг побелел, он немо шевельнул губами, но я не дала ему шанса продолжить.

– Вы помните, как вы меня встретили? Как унижали, как смешивали с грязью? Как тыкали в отсутствие приданого? Вы поставили себя выше меня и дали понять, что жизнь с вами будет в десятки раз хуже. Этой ночью я собиралась бежать через горы, но мне повезло: через горы меня переправят. Но в эту страну я уже не вернусь.

– Фредерика, – потерянно проговорил Шордаг, – Фике...

Он сдулся. Сдулся и вытащил из кармана молочно-белый амулет. Амулет, заставивший всех поверить моим словам: ложь может окрашивать камень в разные цвета, но правда всегда молочно-белая, чистая.

А я, глядя на этот камень, вдруг поняла, что скандалы не приносят мне удовольствия.

– Давайте забудем все плохое, – я нашла в себе силы улыбнуться, – и будем жить дальше как счастливые, не знакомые друг с другом люди.

– Нужно уметь прощать, – проронила старшая леди Дьерран.

– А я прощаю, – отозвалась я, – просто... Просто делаю выводы. Только дураки обжигаются о кипящий котел больше трех раз.

– Это правда? – Шордаг смотрел на Кики. – Это правда?

Мужчина выглядел потерянным. Неужели его так подкосила правда?

– Нет, – надменно бросила Кики, – зачем бы мне это?

Камень в руках Шордага заалел, и сестра, скривив ровно подкрашенные губки, бросила:

– Да, да, правда.

Старшая леди Дьерран потрясенно выдохнула:

– Зачем?!

Кики пожала плечами:

– Это забавно.

Камень стал молочно-белым. Это и правда было забавным. Для Кристин. Не для меня и не для Шордага.

– Я провожу вас в дилижанс. – Нон Рифас крепко взял меня под локоть. – Вы дрожите.

– Фредерика, – Шордаг протянул было ко мне руки, но наткнулся на щит, – Фредерика, я бы… Я бы не стал запирать тебя на фабрике. Я… Я полюбил тебя. Просто злился. Ты была непробиваема, Фике.

– Ты хотел сломать меня, а после, сломанную, пожалеть? – с интересом спросила я. – Не получилось.

– Фредерика, – он протянул ко мне амулет правды, – я действительно полюбил тебя.

Амулет был молочно-белым, и я… Наверное, это было жестоко, но если вспомнить все то, что он сказал и сделал, то это все же справедливо:

– А я вас презираю, господин Шордаг.

Камень остался молочно-белым, а я, подчиняясь напору нона Рифаса, вернулась в дилижанс.

Едва лишь я рухнула на сиденье, нонна Шавье тут же сунула мне в руки пузырек с зельем. Откупорив его, я без всяких сомнений выпила и улыбнулась, опознав травянисто-мятный вкус успокоительного.

– Легче стало? – со вздохом поинтересовалась нонна.

– Может, потом станет? – спросила я неуверенно и сама же ответила: – Обязательно станет. Я в любом случае закрыла все двери. Это плюс, правда же?

Ответом мне было красноречивое молчание. Ни нонна Шавье, ни иные нонны высказаться не поспешили. Только нон Рифас засопел, желая вступить в диалог, но в этот момент в дверцу нашего дилижанса постучали.

– Риф, леди Фредерика с вами поедет? Пора трогаться, иначе не успеем к своей портальной очереди.

– С нами, – громко ответил нон Рифас, – принеси корзину со сластями и фляги с чаем, мы времени много потратили – скорее всего, остановки до самой ночи не будет.

Рифас оказался прав: дилижанс тошнился по ухабистой дороге до самой ночи. Нонна Шавье подставила мне свое жестковатое плечо, и полдороги я продремала. А половину проболтала с другими ноннами и Рифасом.

– Вам не становится плохо? – спросила зеленоватая нонна, которая страдальчески морщилась и охала при каждом рывке дилижанса.

– Дорога до фабрики еще гаже, – честно отозвалась я. – А с магическим истощением тряску терпеть и вовсе невыносимо. Так что можно сказать, что я привыкла.

Так, перебрасываясь фразами, мы скоротали путь до первой стоянки. И да, остановки на обед не было, так что корзина и фляги пригодились.

– Вы с нами или... – Нон Рифас мотнул головой на громаду парадного шатра Предназначенной. – Там будет теплее.

– Я не мерзлявая, – усмехнулась я. – Помощь нужна?

– Нет, главный шатер возвели, дальше будет проще. Погрейтесь у костра, леди Фредерика.

– Идем, дитя, – нонна Шавье увлекла меня к небольшому костерку, – Рифас принесёт хлеб, копченое мясо и что-нибудь из зелени.

Кивнув, я вместе с нонной направилась к ярким кострам. Приходилось немного подсвечивать дорогу, потому что вдали от людских поселений ночи были слишком темными.

– Сюда. – Нонна кивнула на небольшой костерок, разведенный в стороне.

Мы опустились на чурбачки, и я, ежась от контраста холодноватого ветерка и жара пламени, негромко спросила:

– Мы же только что остановились, как успели костры развести?

– Верховых отправили, – тонко улыбнулась нонна Шавье. – Леди Дьерран, доброй ночи.

Вскинувшись, я увидела Кристин. Она, к слову, уже успела сменить платье. И как умудрилась?!

– Благословите, нонна, – резко бросила Кики и без всяких сомнений опустилась на чурбачок с той стороны костра.

– Благословляю, леди Дьерран, – степенно проронила нонна.

– Где ты ехала? – отрывисто бросила Кики. – Мне было тошно.

– Мне нет. – Я пожала плечами.

– Я не знала, что он действительно заставляет тебя заряжать накопители, – проговорила Кики.

Подняв на нее усталый взгляд, я ровно произнесла:

– У меня нет камня правды, Кики.

– Не называй меня этой собачьей кличкой!

Усмехнувшись, я серьезно кивнула:

– Больше не буду, Кристин. В конце концов, определенные шутки и прозвища допустимы лишь в кругу семьи.

– Ты продолжаешь вредничать, – она оправила прическу, – но, между прочим, если бы не я, то у тебя бы не было такой богатой практики с накопителями! И тогда ты не смогла бы спасти драконицу. Так что... На спасибо не претендую, но и злости твоей тоже не понимаю.

Я смотрела на нее сквозь языки пламени и молчала. Кристин нетерпеливо накручивала на палец локон и ждала, что же я ей наконец отвечу.

– Спасибо, – проронила я в итоге. – Спасибо, Кристин. Это все?

Она пожала плечами:

– Да мне-то что до твоих благодарностей? В моем шатре есть место и для тебя, всеблагой нон Арринтир распорядился поставить вторую постель.

– Отлично, – улыбнулась я и повернулась к нонне Шавье. – Можно кого-нибудь попросить забрать постельные принадлежности? Я по-прежнему предпочитаю ваш шатер.

– Ноны и нонны спят в одном шатре, – с ужасом произнесла Кристин.

– В одном шатре с двумя входами и внутренней стенкой, – с легкой укоризной проговорила нонна Шавье.

– Фике, мне не с кем поговорить, – цокнула Кристин, – ты заставила меня тошниться в карете в одиночестве, спать я что, тоже должна в одиночестве?

– Маме пожалуйся, – усмехнулась я, вспоминая, как она бегала и ябедничала старшей леди Дьерран. – А если серьезно, то разговаривай со своей служанкой, Кристин.

– О чем?! Фике, ты должна...

– Нону и ноннам за доброту и ласку, – отрезала я. – Иди к себе, Кристин. Мы чужие люди, объединенные кровью.

Она упрямо осталась сидеть. Рифас принес корзину со снедью, щедро оделил всех, но Кристин, гневно фыркнув, ушла в своей шатер.

– Она такое не ест, – вздохнула я и отломила кусочек пшеничного хлеба, – думает, что капризность равна аристократичности.

Посидев у костра, мы ушли в шатер. И глубокой ночью я действительно начала замерзать. Вот только вина в том лежала совсем не на шатре. Это маленькая дракошка вновь истратила весь запас сил.

В этот раз передача длилась до самого утра, и в дилижанс меня вносили на руках.

– Как славно, что с меткой приключилась этакая напасть, – услышала я шепоток одной из нон. – До чего хорошая, добрая леди, лорд Эрвитар погубил бы ее.

– А если бы не он, то его гарем, – согласилась нонна Шавье. – Хранитель Южного предела никогда не откажется от своих "цветков страсти". А значит, его Предназначенной предстоит смириться с тем, что шесть из семи ночей дракон проводит во дворце Весны.

"Убила бы", – поняла я, представив, что насмешница Судьба связала бы меня с таким мужчиной.

А после, прикрыв глаза, провалилась в темный глубокий сон.

Глава 3

Мне вновь снилась дракошка. Только уже в своем человеческом обличье. Маленькая девочка со спутанными пшеничными волосами и взрослым затравленным взглядом сидела на обледенелом камне. С небес на нас светила луна, яркие звезды, перемигиваясь, обещали, что все будет хорошо.

– Оборви связь, – крошка подтянула коленки к груди и обхватила их руками, – я устала. Я не могу взлететь.

– Я иду к тебе, – серьезно сказала я и села рядом, обхватывая ее за плечи и прижимая к себе. – Мы сейчас в предгорьях, всеблагой нон Арринтир поможет.

– Почему?

– Потому что у меня есть то, что ему нужно. – Я начала разбирать волосы дракошки.

– Нет, почему ты решила помочь? Ты же сначала отказалась. – Девочка засопела, а я, не удержавшись, тихо рассмеялась:

– Не я от тебя отказалась. У меня есть сестра, мы полностью идентичные магические близнецы.

Помолчав, я решила утончить:

– Магически и физически идентичные, жизненный опыт, принципы и характер у нас разные.

Кое-как заплетя малышке косу, я прижала к себе ледяное тельце и принялась делиться магией. Передавала силу слабыми импульсами до тех пор, пока дракошка не отогрелась.

– Меня зовут Фредерика, – спохватилась я. – Фредерика Дьерран.

– А я Энни, – малышка сморщилась, – Энбетестир Лайна Фойртелерн, но я больше люблю, когда меня зовут Энни. Если… Если человек мне нравится.

– Меня называют Фике, – я вздохнула, – но мне это не нравится. Мне бы хотелось, чтобы хоть кто-нибудь называл меня полным именем. Или Рика, но никак не Фике.

– Тогда я буду звать тебя Ри, хорошо? – Энни подняла на меня серо-голубые глаза. – Ты не против?

– Совершенно не против, – улыбнувшись, ответила я и добавила: – Пока я не знала твоего имени, называла тебя «крошка-дракошка».

Энни рассмеялась и доверчиво прижалась ко мне.

– Спасибо. Я смогу стать дракошкой и дождаться тебя. Ты, главное, проснись, Ри. Я забрала у тебя так много сил.

– Не ты забрала, а я отдала, – поправила я ее, – помочь тебе – мое решение, и ты не несешь за него ответственность, понимаешь?

Энни только вздохнула, прижалась ко мне тесней, а после соскользнула с камня и за долю секунды перевоплотилась в дракошку. Потопталась на месте и свернулась в комочек, пряча голову под крыло

Мне же предстояло проснуться. И, как ни странно, у меня все получилось с первого раза. Вот только ночь еще не прошла и вставать было рано. Так что я осталась лежать и к утру замерзла до побелевших губ.

– А говорили, что не мерзлявая, – возмутился Рифас.

– Девочке силу отдавала ночью, ее зовут Энни. – Я растерла заледеневшие ладони и с благодарностью приняла теплый пушистый халат.

– Фойртелерн? – Нонна Шавье прижала руки к сердцу.

– Да, – кивнула я и бросила на себя несколько очищающих заклятий.

На низком столике уже исходил парком завтрак, который принес Риф. Собственно, потому-то нон и был на женской стороне шатра – за символическую взятку внутрь прошел.

– Бедная малышка, бедный отец, – прошептала нонна, а Рифас покачал головой:

– Харелт Фойртелерн не из тех, кто умеет прощать. А его дочери еще рано было вставать на крыло. Что же там произошло?

– Как же малышка могла оказаться в храме, если ее время не настало? – удивилась я. – Кто-то же ее туда привел.

– Да привел-то ее туда отец, – отозвался Риф, – это нормально, драконики и драконицы смотрят, как вылетают старшие, и потом меньше боятся. Ведь после вылета все собираются в дальнем храме, где детям дарят подарки. Взрослые дарят старшим драконикам, а старшие дарят малышам. Эти маленькие подарочки потом хранятся в семье.

– Могла ли она сама полететь? – Нонна стерла со щеки слезу. – Фойртелерн страшно любит дочь.

– Где же мать девочки? – нахмурилась я. – Почему не ищет? С высоты всяко проще найти дракошку.

– Там нехорошая была история, – вздохнула нонна Шавье. – Девочка бастард, мать ее пыталась, м-м-м, у драконов это называется «украсть кровь». То есть тайно забеременеть и родить ребенка, но в род отца не отдавать. Но молодая дурочка была слишком слабой, рождение ребенка лишило ее магических сил, и она покинула драконьи горы, прислав Фойртелерну ребенка в корзине.

– Мать Пресветлая, – охнула я, – а что, иначе нельзя было передать?

Нонна Шавье пожала плечами:

– Не знаю, эту историю обсуждали все подряд, тогда на Хранителя Северного предела многое вылилось. Да и девочке достается от сверстников. Дети жестоки, – нонна вздохнула, – уже сам пресветлый нон Арринтир говорил с упрямцем, убеждал найти жену, чтобы через ритуал дать девочке двух родителей. Но нет, Фойртелерн все еще ждет свою искру.

– Все еще ждет искру? – Я нахмурилась. – Так, может…

Договорить у меня не получилось. Перед глазами встала Энни, маленькая, со спутанными волосами, и моя драгоценная сестренка. Что-то мне не кажется, что Кристин будет дракошке хорошей матерью…

– Может, – кивнула нонна Шавье, – но я уже говорила вам, что рисунок леди Кристин Дьерран не читается. Сейчас трое драконов ищут своих Предназначенных. Хранитель Южного Предела, Хранитель Северного Предела и Хранитель Восточного Предела. Но последний выпустил искру лишь четыре года назад, так что леди Дьерран не может быть его Предназначенной.

– А Хранитель Северного Предела, как по мне, просто врет про искру, – понизив голос, проговорил Рифас. – Тот же Эрвитар уже раз пятнадцать уточнял, точно ли рисунок Предназначенной нельзя прочесть. А Фойртелерн молчит. Он вообще редко покидает свой предел.

– Стоит отдать ему должное, он сдерживает ледяную пустошь, – нонна Шавье погрозила Рифасу пальцем, – его отец был куда слабее, и северян едва не поглотила эта аномалия.

За пределами шатра послышался какой-то шум.

Мы с нонной и Рифасом осторожно подкрались к тканевой завесе, прикрывавшей выход, и прислушались.

– Всю ночь какая-то гадская птица цвиркала, вы что, не могли с этим что-то сделать?!

– Леди Дьерран, да не цвиркал никто, – устало отвечал незнакомый мне мужской голос, – у вашего шатра двое бойцов дежурили, они бы услышали.

– Значит, они не дежурили, а спали! – взвизгнула Кристин.

– Если бы они спали, – так же устало-равнодушно ответил мужчина, – вы бы сейчас ругались из-за храпа, ибо видит Пресветлая Мать, но Варл с Горром своим храпом способны стены разрушать. Оттого и селим их всегда вместе. Подобное к подобному, так сказать.

Я поперхнулась смешком и, понимая, что утренней встречи не избежать, вышла.

– Ты слышала ночью цвирканье?

Как назло, Кристин и мрачный усатый мужчина стояли близко к нашему шатру.

– Нет, на шатрах же щиты. – Я улыбнулась мужчине. – Доброе утро. Это с вами мы будем дракошку искать?

– Со мной, – степенно кивнул маг, – отряд уже собран, через час мы уже пройдем портал, а там после обеда начнем поиски. Единственное, я не могу припомнить янтарно-зеленых драконят в этом вылете.

– Девочку зовут Энни, Энбетестир Лайна Фойртелерн. Она приснилась мне в человеческом обличье, – пояснила я.

И мужчина, так и не представившийся, побелел.

– Ей всего восемь лет!

– Я подпитывала ее силой, – вздохнула я. – Но боюсь, что если мы не найдем ее сегодня…

– Найдем, – хрипло выдохнул усатый, – найдем. Я служил под началом Харелта Фойртелерна, я… Расшибусь, но драконицу мы найдем.

– А вы…

– Лерро Тинран, – усатый чуть смутился, – прошу прощения, новости выбили из колеи. Одно дело – упавшего искать: чешуя крепкая, в клубок свернется – ни вьюга, ни метель не страшны. Внутренний источник уже силен, так что помощи дождется. А вот мелкота… Источник нестабильный, чешуя мягкая, ай! Думать страшно.

Я кивнула. Мне тоже было страшно.

– До вашей драконицы еще дойти надо, а у меня беда здесь и сейчас происходит, – выпалила Кристин.

И мы с Лерро с недоумением на нее посмотрели.

– У тебя до сих пор что-то цвиркает?

– Да! Нет, но…

– Ну так все, ночью поставишь дополнительную завесу от шума, и на этом твоя проблема завершится.

Она поджала губы, как-то оч-чень нехорошо на нас посмотрела и ушла к потушенным кострам.

– А ведь Фойртелерн тоже искру выпустил, – сумрачно произнес Лерро, – как бы не вот это вот ему досталось.

Тут дракон вспомнил, что «вот это вот» мне родственно, и поспешно извинился. Но я только отмахнулась:

– Мне ли не знать свою сестру.

Но, как выяснилось, всей подлости Кристин я и правда не знала. Мы не выехали ни через час, ни через два: Предназначенная дракону захотела посетить ближайший храм Пресветлой Матери.

А чешуя на моем запястье стала подозрительно холодной и тусклой…

И что самое главное, у меня больше не получалось передать дракошке магию. Я знала, чувствовала, что девочка еще жива. И также было понятно: начался обратный отсчет.

Не находя себе места, я тенью скользила по опустевшему лагерю. Опустевшему, но не собранному: Предназначенная, возможно, захочет отдохнуть.

– Где носит всеблагого нона, когда он так нужен?! – вспылила я, стоя у погасшего кострища.

– Он вынужден сопровождать Предназначенную в храм. – Рядом со мной возник Лерро.

Его пышные усы трагически поникли, да и весь вид дракона выражал искреннюю скорбь.

– Почему нельзя пихнуть ее в карету?!

– В Темное Время на Предназначенных шла охота, – уныло произнес Лерро. – И потому, когда мы смогли примириться, были приняты законы-на-крови – те законы, которые ни один

дракон преступить просто не в силах. Его кровь вскипит, если он осмелится нарушить то, что сделало возможным мир и процветание драконьего народа.

– Дай угадаю, – сумрачно проговорила я, – про Предназначенных там тоже есть, верно?

– Верно, – вздохнул Лерро. – От момента расцветания метки и до окончания свадебного обряда Предназначенная неприкосновенна. Ее желания должны исполняться по мере возможностей присутствующих рядом драконов, и также ни один из них не может ни к чему принудить Предназначенную. Так сотню лет назад одна Предназначенная выбрала настолько долгий предбрачный путь, что прибыла в храм уже убеленной сединами старушкой. Девушка очень не хотела замуж, и дракону пришлось с этим смириться.

– Я представляю, – хихикнула я.

И тут меня обожгло внезапной идеей.

– Лерро, вы хотите спасти Энни?

– Да. Я всегда хотел вернуться под крыло Фойртелерна, – дракон пошевелил усами, – да и сам милорд хотел бы меня взять, но… Увы, по отношению к некоторым семьям наши законы довольно несправедливы.

– Это как?

– Я из Восточного клана, из семьи оружейников. Мой дар признан недостаточно сильно, и потому мне было позволено выкупить свое право покинуть Восточный Предел. Но вместе с тем, мгм, мои предполагаемые дети все еще принадлежат клану. Вот я и получился подвешенным в воздух: ничейному дракону нет доверия, а встать под знамя Фойртелерна означает подвести его под виру. Это тоже закон-на-крови: если драконий клан забирает себе ценного дракона, то оный клан обязан выплатить виру и за дракона, и за его предполагаемых детей, внуков и правнуков. Это неподъемные деньги, леди Фредерика. Но если я окажу услугу милорду, то могу потребовать в оплату право тени.

– Тени?

– Иметь право находится в сердце Предела, не будучи частью клана, – дракон пошевелил усами, – а уж какие я дам клятвы и как оно там все будет – про то восточники узнать не смогут. Нет у них права задавать вопросы свободному дракону.

– Но детей у вас все равно не будет…

– Или у меня не будет детей с фамилией Тинран, – выразительно хмыкнул дракон.

Я прикусила губу и задумалась. Что ж, быть может, моя идея не обречена на провал.

– Значит, спасти дракошку вам выгодно.

– Да не в выгоде дело! – вспылил Лерро, и усы его встопорщились, как наэлектризованные. – Я хочу спасти Энни, потому что она несчастный ребенок, потому что безмерно уважаю ее отца. А все остальное пойдет приложением, только если Харелт еще заинтересован в нашем проекте.

На последнем слове дракон сдулся. Ага, получается, там еще и какой-то проект замешан? Что ж, пусть будет так.

– Я не имела в виду ничего плохого, когда говорила о вашей выгоде. Просто вам придется рискнуть всем, что вы сейчас имеете, – проговорила я и стянула с руки перчатку. – Дело в том, что Искра была разделена между двумя девочками, мы с Кристин магически идентичные близнецы. Вместилище откликается только на наше совместное прикосновение.

Дракон как зачарованный уставился на мой ожог, я же продолжила:

– И потому вы можете признать меня за полноценную Предназначенную и выполнить мой каприз – немедля выдвинуться в горы ради спасения Энни Фойртелерн!

– Как порядочный дракон, я, безусловно, обязан приложить все усилия для выполнения вашего пожелания!

Лерро оказался понятливым драконом. За несколько минут он развил бурную деятельность, разделил отряд на две части и также попросил нонну Шавье и Рифаса сопровождать нас.

– Энни, вероятно, сильно истощена, – обеспокоенно проговорил дракон, – а я, увы, не целитель.

– Я могу только кровью поделиться, – вздохнула я.

– Это все могут, но кровь не панацея, увы.

Через двадцать минут мы, верхом на низеньких лохматых лошадках, выехали из лагеря. Голосовой вестник всеблагого нона Арринтира настиг нас перед самым порталом. Нон в несколько грубоватой форме спрашивал, где носит Лерро, ведь он ни много ни мало возглавляет отряд бойцов.

На что Лерро ответил:

– Отряд разделен надвое, сейчас бойцами руководит мой второй номер – Виллиам Ноба. Я же сопровождаю Предназначенную в горы.

И, когда вестник уже улетел, дракон едва слышно проговорил:

– У вас своя Предназначенная, а у нас своя.

Я сделала вид, что не услышала его слов. Все-таки от Предназначенной у меня только ожог…

А еще, наблюдая, как маг-портальщик активирует переход, я вдруг подумала, что у Кристин сейчас, наверное, истерика: как же, кто-то назвал Предназначенной меня, а не ее.

«Хотя все же странно, пусть искра была разделена на двоих, отчего рисунок не читается? Это должны были быть половинки знакомых знаков, разве нет?» – пронеслось у меня в голове.

В отличие от родителей и самой Кристин, я сестру ни в чем не винила. А прошлое, разумеется. Нам было слишком мало лет, чтобы в тех ее действиях можно было разглядеть осмысленную подлость. Однако же сейчас она вытворяет то, за что ее стоило бы…

Но додумать эту мысль я не успела: раскрылся портал, и мы один за другим перешли из вполне себе теплого, хоть и не жаркого лета в ледяную зиму!

– Леди Фредерика, сюда, скорее, – закричал Рифас.

Оглушенная внезапной сменой погоды, я плохо понимала, что именно от меня требуется. И только охнула, когда Лерро подхватил меня на руки и направился к огромному, с шатер, сугробу.

«Он хочет окунуть меня в снег?» – созрела в голове совершенно нелепая мысль и…

Мы оказались внутри теплого, уютного шатра. Но легче мне отчего-то не стало. Напротив, как будто подурнело…

– Леди Фредерика, – нонна Шавье принялась меня тормошить, – сюда, скорее.

Мне в руки сунули флакон с зельем, который я немедленно употребила.

– Идите, идите отсюда, – шикнула на Лерро и Рифаса нонна Шавье, – или хотите посмотреть, как юная леди переодевается?

Поток холодного воздуха подсказал, что мужчины покинули шатер.

– Что со мной? – Я зябко поежилась.

– Портал из лета в зиму всегда так действует, организм не успевает перестроиться, ему надо помочь, – спокойно проговорила нонна Шавье.

– Мне казалось, вам нельзя разговаривать. – На меня внезапно накатили и апатия, и любопытство, что, признаться, порядком обескураживало. Ведь эти чувства почти противоположны!

– Вы не помните, но первые годы нонны менялись в вашей семье как перчатки, – тихо рассмеялась она. – А после пришла я и поняла, что ваши родители очень подвержены предрассудкам. Вот ходит молва, что все служительницы драконьих храмов тихие, медленные и неразговорчивые, значит, так оно и должно быть. Мне нужна была работа, я не хотела возвращаться в храм. Потому и стала тихой, молчаливой и медленной.

– Надо же, – хмыкнула я, – это удивляет.

– Пейте. – Нонна протянула мне еще один флакон.

И едва лишь я проглотила зелье, по телу прокатилась волна жара, и вязкая сонная одурь полностью с меня слетела.

– Ох, наконец-то, – я покачала головой, – я на пару минут из человека в жеваную тряпку превратилась!

– Вы еще быстро очнулись, – вздохнула нонна, – непривычные к такому люди могут до нескольких суток в бреду пролежать. Тут же и магический фон другой, по организму путешественника сразу два удара! Потому и предпочитают сюда перемещаться зимой, чтобы хоть с погодой не ошибиться.

Нонна Шавье помогла сменить платье на тонкие, но плотные штанишки и такую же рубаху.

– Это чтобы шерсть тело не исколола, – пояснила она и достала второй тючок.

В нем скрывались плотные серо-синие штаны и такая же рубашка.

– Отличная вязка, на каждую петельку по заклятью, – с гордостью проговорила нонна, – наши храмовые умелицы делали. На сторону такие наряды не продаются, можно получить только в дар.

Поверх этого комплекта лег короткий тонкий плащ с костяными пуговицами – срам прикрыть.

– А то и спереди облегает, и сзади, – проворчала нонна, – непорядок. Да и капюшон опять же заменит все меховые шапки. Мы не то чтобы против меха, но в таком наряде куда как удобнее. Шубы-то в половину человеческого веса, такую тяжесть таскать можно по городу, от дома до чайной. А в горах… В горах это просто немыслимо.

Выйдя из шатра, я тут же увидела Лерро, он общался с очередным голосовым вестником.

– Все в порядке?

– Да, – дракон шевельнул усами, – я послал вестника старому знакомому, он в свите Харелта Фойртелерна. К сожалению, большой храм еще не открыт: слеткам дозволено испытать себя в течение трех дней и трех ночей! Взрослые это время проводят в глубокой медитации.

Нахмурившись, я подозрительно посмотрела на Лерро. Он выглядел вполне взрослым, лет эдак на сорок, а может, и пятьдесят.

– Позвольте уточнить, а почему вы не в храме? – спросила я все же.

– У меня нет детей, – развел рукам Лерро, – только отцы драконят-слетков уходят в большой храм. Тот самый, к слову, в который и мы направляемся.

Коротко кивнув, я сообщила дракону, что полностью готова. Переход больше не дурманит голову, да и холод не кусает ничего, кроме щек.

– Положите пальцы на чешуйки и попытайтесь увидеть нить, которая вас связывает, – посоветовал дракон. – А я попробую посмотреть со стороны.

Нить эту я видела четко, вот только уходила она в землю. Точнее, в снег. Ну… Под ноги, в общем.

– Есть общее направление, – хмуро проговорил Лерро, – драконица, похоже, упала в расщелину.

– Не может быть, – я покачала головой, – я ясно видела звезды, да и равнину тоже. Энни выглядела как разумный ребенок, она бы дождалась помощи!

Лерро поморщился, а потом мрачно проговорил:

– Слетки еще свободны. Я не хочу сказать, что дети могли причинить ей осознанный вред, но… Воровство крови – это серьезный проступок. Детей, рожденных от такой матери, принято отдавать в храмы, отсекать от основного рода. Вот только жизнь там… Раньше-то это было не слишком известно, но помните, как в Бельвергейле Пресветлую Мать призвали? Богиня по всем прошлась, и в итоге многие храмовые тайны перестали быть тайнами. Правда, лорд Фойртелерн еще до этого отказался девочку отдавать.

– Почему? – заинтересовалась я.

Лерро покраснел, открыл рот, потом закрыл, потом, подобрав слова, осторожно произнес:

– Милорд сказал… М-м-м, что, как бы, принимал участие в процессе, м-м-м, зачатия. И что силой, мгм, силой его никто на девк… И что силой его никто в постель не укладывал.

– Он склонен к грубым вербальным формулировкам?

– Мы были пьяны, – Лерро пожал плечами, – и вокруг не было леди.

Оставив досужие разговоры, мы взяли артефактные сани и направились по следу малышки. Я, не отнимая пальцев от чешуек, пыталась передать ей силу, но вся она растворялась в пространстве.

– Я потерял след, – мрачно произнес Лерро через несколько часов.

– Я чувствую ее, но нить больше не вижу, – дрогнувшим голосом проговорила я. – Как же так? Эн! Энни!

Я кричала во все горло, а Лерро пытался зажать мне рот.

– Лавину вызовешь, дура!

Обмякнув, я покорно замолчала. Может, и правда дура. Да только… Только что с того, если мы опоздали?

– Если чешуйки еще не растворились, значит, мы не опоздали. – Лерро повернул сани назад. – Сейчас попробуем усилить вашу связь зельями и ритуалом.

– А сразу нельзя было?!

– Нельзя, – сумрачно отозвался дракон и выразительно пошевелил усами, – этот ритуал может укрепить связь так, что ее не сможет разорвать даже лорд Фойртелерн.

– Его недовольство я как-нибудь переживу, – фыркнула я.

На что Лерро укоризненно ответил:

– Какое недовольство? Милорд не воюет с женщинами! Просто вы задержитесь на Севере до полного совершеннолетия Энни. А ваша семья? Я слышал, у вас есть жених.

Я покосилась на дракона и осторожно уточнила:

– Вы, мгм, присутствовали при нашем отъезде?

– Нет, там вашу безопасность обеспечивал Виллиам. Ноба сильный маг и толковый боец, ему давно пора зарекомендовать себя перед кем-нибудь, – Лерро хитро улыбнулся, – и я дал ему такую возможность.

Сани принесли нас к стоянке, где мы столкнулись с сердитой, укутанной в шубу Кристин.

– Как вы могли уехать без нас?! В отличие от вас, безмозглых, я испросила благословения у Пресветлой Матери!

Она бросила мне деревянную пластинку, но, наученная горьким опытом, я предпочла ее не ловить.

– И что ответила богиня? – осведомилась я, рассматривая крашеную деревяшку, поднятую со снега. – В этой штучке ни капли магии.

– Я не королева Бельвергейла, чтобы с Пресветлой разговаривать, – вспыхнула Кристин. – Исполнив все положенные ритуалы, я оставила у алтаря дары и взамен взяла эту вещь. Это правильный поступок.

– Правильный, – кивнула я, – и социально одобряемый. Бесполезный, правда. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я бросила деревяшку к ногам сестры и попросила Лерро начать приготовления к ритуалу.

– Какому ритуалу? – вспылила Кристин. – Хочешь вновь обозвать себя Предназначенной?!

– Это я назвал леди Фредерику Предназначенной, – холодно произнес Лерро, а после добавил: – Каждый из путешествующих с вами драконов будет обязан описать предбрачный путь на артефактной бумаге.

Кристин растянула губы в улыбке.

– Мне это прекрасно известно. И я не сделала ничего, что нельзя было бы доверить бумаге. Позвольте мне присоединиться к поискам, я действительно желала лишь добра потерянному ребенку. В конце концов, я ведь могу оказаться ее матерью. И если ты, Фике, хочешь меня в чем-либо заподозрить, то знай: дети с такой историей рождения не наследуют своим отцам. Мне нет смысла осознанно вредить девочке, она не угроза будущему моих детей.

– Ты, – коротко произнесла я, – ты угроза будущему твоих же детей.

Ритуал усиления связи оказался простым, и провел его Арринтир: всего лишь взял мою кровь и нарисовал поверх чешуи несколько колдовских знаков. А после спросил, согласна ли я принять эту связь от сего момента и до истечения детского возраста дракошки. А я была согласна. Да, планы пришлось менять на ходу, но готова поспорить, что и на Севере есть свои школы магии!

– Есть! – Кровь впиталась в чешую, и я вновь ощутила связь с дракошкой. – Ей тоскливо, больно и страшно. И… холодно.

– Если обледенеют кончики крыльев, то девочка может навсегда остаться инвалидом. – Лерро протянул мне руку. – Скорей же.

– Я с вами, – непререкаемо произнесла Кристин, – неужели вы будете спорить с Предназначенной?

Лерро скрипнул зубом, но подчинился. Однако я, прежде чем занять место в артефактных санях, негромко процедила:

– Скину, если попытаешься помешать.

– Ни секунды не сомневаюсь, – мило улыбнулась Кристин, – родство для тебя пустой звук.

Устало вздохнув, я покачала головой.

– Хватит. Опомнись, из нас двоих именно ты украла чужую искру. Именно ты пакостила мне все это время.

– Из нас двоих, – Кристин нехорошо улыбнулась, – именно ты имела больше свободы. Именно ты могла пойти на ярмарку, или на озеро, или в лес за ягодами. А я сидела дома, выходила в город лишь в сопровождении нонны Шавье и смотрела, как жизнь проходит мимо меня!

– И в итоге ты сделала так, что я стала еще более свободна, – я пожала плечами, – именно ты и твои пакости рассорили меня с родителями и Шордагом.

У подслушивавшего нас Лерро покраснели кончики ушей, так старательно он ловил каждое наше слово.

– Направо. – Я постучала его по плечу.

– Я и так вижу, – крикнул он, не оборачиваясь, – сейчас связь видна очень четко! Держитесь крепче!

Позади нас неслись сани с боевыми магами: Кристин ни на минуту не могла остаться без защиты. Но они все же сильно отставали, нас-то было всего трое, в то время как их было пятеро, да еще плюс нонна Шавье и Рифас.

Мы пролетели между двух скал и запетляли среди огромных валунов.

– Все, где-то здесь, – Лерро устало выдохнул, – сани меня выпили почти до дна.

– Отдыхай, – коротко произнесла я и соскочила на снег, – я чувствую направление.

– Будьте осторожны, леди Фредерика. Эти горы – место последней битвы. Здесь расселины и ущелья появились не вследствие нормального роста гор, а из-за проклятий и ритуалов. Так что каверны и пустоты могут быть где угодно.

И он был прав. Находились и такие провалы, в которых не было снега. От них четко фонило темными проклятьями. Да и снежный наст лежал какими-то странными волнами.

Идти приходилось осторожно, очень уж скользким был наст. Так удивительно ли, что в итоге я все же рухнула и заскользила к краю очередной расселины?

Мне удалось зацепиться за край и даже подтянуться, но внезапно рядом со мной оказалась Кристин.

– Видит Пресветлая, это я не планировала, но не могу не воспользоваться. Ты знаешь, чем хороши магически идентичные близнецы? Когда один умирает, второй получает все магические силы брата. Или сестры.

Яркая вспышка, и я лечу вниз, на камни, лишь слегка припорошенные снегом!

Глава 4

Харелт Фойртелерн

Хранитель Севера

Медитация давалась нелегко. На границе сознания кружились тени тревожных мыслей. Но Харелт не зря стал самым успешным Хранителем за последние четыре века. А потому ток его магии был ровным, без какого-либо эмоционального окраса.

– Наши дети полетят уже в следующем году, – шепнул ему замерший рядом дракон, чей колдовской поток то и дел сбоил.

– Следи за силой, иначе твари хаоса почувствуют драконят, – прошипел другой дракон.

Харелт все это проигнорировал. Сейчас его волновало лишь одно: как не упустить контроль над магией и все ли в порядке с дочерью. Все-таки обычно его подобные мысли не тревожили, он всегда знал, где девочка, кто с ней и чем она занята.

«Маэльри и Тимрок должны держаться рядом», – утешил он себя.

Хотя утешение это было очень слабым: все дети были одного возраста и оттого, что собирались вместе, умнее не становились. Опытнее тоже.

Рядом с левой рукой появилась искорка. Кто-то пытался послать голосового вестника. Не кто-то. Лерро.

«Тинран не может не знать, что моя дочь в Старшем храме, а сам я, соответственно, в главном храме», – пронеслась в голове дракона леденящая душу мысль.

– Я забираю поток, – громко и четко произнес Харелт.

А у руки появилась еще одна искра. Вновь Лерро.

– Но, послушайте…

– Моя медитация прослужила на благо наших детей двое суток, двенадцать часов и тридцать восемь минут, – так же громко сказал Фойртелерн, – надеюсь, оставшиеся часы вы удержите вариативный щит самостоятельно.

Легко выпутав силу из общего тока, Харелт поднялся на ноги и выскользнул из зала медитаций.

Едва лишь выйдя на улицу и вдохнув чистый морозный воздух, он послал Лерро вестника. И сдавленно выругался, выслушав новости:

– Твоя дочь вылетела вместе с остальными и упала. Сестра-близнец Предназначенной поймала её крик о помощи, но, к сожалению, исчезла на ровном месте.

Харелт потянулся к дочери, но вместо привычного теплого, солнечного комочка ощутил лишь холодную пустоту.

«Энни, малышка». Дракон похолодел, догадываясь, что могло произойти.

Через мгновение с земли в небеса поднялся черно-серебряный исполинский дракон. Он спешил на помощь к дочери и молил небеса, чтобы не стало слишком поздно.

Фредерика Альтиния Дьерран

Оглушенная проклятьем, я летела вниз. Пытаясь скастовать небесный плат, я вдруг подумала, что подвела Энни. Что была слишком наивна и не допустила и тени мысли о том, что Кристин захочет меня убить.

Всей собой я почувствовала, что дно расщелины близко и…

Запястье обожгло огнем, и в ту же секунду вокруг меня взметнулись крылья небесного плата! Это сложное и весьма специфическое заклятье использовалось для спасения людей во время пожаров. У меня ни разу не получилось его призвать.

Но зато сейчас я уже не падала, а скользила, как по крутой ледяной горке. И пусть в конце меня ждет не мягкий сугроб и хохочущие подружки, а каменная стена, с этим уже реальней справиться.

Подготовив воздушную подушку, я постаралась сгруппироваться, ведь край пористой скалы был все ближе и ближе, и…

Удар!

Ох, кажется, на несколько минут я потеряла сознание. Голова гудит, руки-ноги трясутся, но… Спина в порядке, все пальцы сгибаются, а вокруг непроглядная темнота!

«Но остается вопрос: кто же скастовал плат? Неужели Энни? Наша связь обоюдна?!» – пронеслось у меня в голове, пока я, кряхтя, выбиралась из сугроба и поднималась на ноги.

Здесь, внизу, был куда холодней, чем наверху. С одной стороны, ветра не было, но! Но не было и солнышка.

Запнувшись, я чуть не упала и, ругаясь сквозь зубы, призвала себе на помощь колдовской светлячок. А потом еще один и еще. Я рассылала их в разные стороны, стремясь понять, насколько глубока ж… в которую я угодила.

Мне предстояло не только спасти себя, но и найти и спасти Энни, потому как с Кристин станется бросить и девочку тоже. Теперь у меня не осталось никаких иллюзий. Мы с юной леди Дьерран не просто чужие люди. Мы с леди Дьерран враги.

Потянувшись к дракошке, я охнула: она была где-то здесь! Потревоженная связь засветилась так ярко, что стало невозможно увидеть ее направление. А это значит, что девочка где-то совсем близко!

– Энни? Энни, это я, Фредерика, – позвала я ее.

Я создала еще с десяток светлячков и заставила их кружиться над собой, а после, поделившись на две стайки, разлететься в двух направлениях.

– Энни? – вновь позвала я.

Тишина.

И тут я вспомнила один из уроков, что довелось подсмотреть с чердака. Поисковый маячок – необходимая для драконьих гор вещь.

Непослушные пальцы выплели первую часть заклятья, и я, прикрыв глаза, сосредоточилась на облике Энни. Я держала в голове и девочку, и дракошку. И, открыв глаза, отпустила с пальцев ажурную бабочку, в которую превратилась искра поискового маячка. Что самое странное, заклятье впитало в себя свет от нашей с Энни связи.

Зато бабочка, что вначале взлетела наверх, вполне уверенно направилась вперед. К счастью, летела она медленно, а света от ее крыльев было достаточно, чтобы не споткнуться.

– Энни!

Дракошка сидела на камне. Или висела? Неважно. Важно то, что снег был залит темной кровью, а на тонких, нежных крыльях виднелись глубокие борозды от чужих когтей.

– Твари, – всхлипнула я, – какие же твари!

И мне было глубоко безразлично, что эти самые "твари" были лишь на год старше малышки.

– Энни!

Дракошка дышала, но никак не реагировала на меня. По мордочке стекали прозрачные слезы, а значит, она была в сознании.

– Энни, малышка, – я упала на колени, – посмотри на меня.

Увы, но, даже такая юная, она была слишком крупной для моего слабого человеческого тела.

Кровь.

Чердачные знания вновь пришли мне на помощь, но... Ножа нет. А я слишком слаба и труслива, чтобы прорвать кожу зубами. Отворить кровь заклятьем не сложно, но это отчего-то ослабит эффект. Что ставит меня в безвыходное положение.

Взгляд зацепился за лед. Снежный наст здесь настолько крепок, что удерживает мой вес. А значит…

Не с первого раза, но мне удалось разбить толстую ледяную корку и получить достаточно острую кромку.

– Сейчас, Энни, сейчас, маленькая, – шептала я и капала своей кровью на ее поврежденные крылья.

Кровь, как и говорил учитель Кристин, превращалась в живительный колдовской туман, который врачевал раны малышки. Вот только глаза дракошки все так же оставались закрытыми.

Клятый кусок льда таял в моих руках. Кровь смешивалась с талой водой, но, кажется, это не мешало заживлять раны малышки.

Малышки, которая, тихо вздохнув, превратилась в человека и, соскользнув с валуна, замерла у его подножия.

– Поднимайся скорей, – я протянула к ней руки, – все в воде и крови, простынешь!

– Я дочь Хранителя Севера, – тускло произнесла девочка, – я не боюсь холода.

– Все равно вставай, а то я тоже в эту грязь сяду, – шутливо пригрозила я.

Энни, тихо вздохнув, поднялась. Она все так же прятала взгляд, сутулилась и держала руки за спиной.

– Мне жаль, что вы пострадали из-за меня, леди Фредерика. – Дракошка низко поклонилась. – Я восстановлю силы и подниму вас наверх.

– Энни, – я подобралась поближе к ней, – тебе нельзя поднимать тяжести. Твои крылья…

– Я не имею значения.

Тут мне стало кристально ясно, что в словах Лерро был смысл. Девочка явно не сама упала в расщелину. И крылья ее были повреждены не просто так.

– Ты имеешь значение, – упрямо произнесла я, лихорадочно соображая, как же вывести малышку из этого состояния.

– Вы не знали, кто тянет из вас силу.

– Зато я знала, ради кого режу руки, – четко проговорила я. – Мы познакомились во сне, помнишь? И Лерро мне о тебе рассказал. Не утаил ничего.

– Моя мать обманом забеременела от моего отца. – Дракошка подняла на меня пустые глаза. – Нонна говорит, что папа должен жениться. Только нонна не знает, что папе трижды отказывали! Из-за того, что я есть! Я все порчу!

Она заплакала. По детскому лицу катились крупные, совершенно не детские слезы. Она не хлюпала носиком, нет. Она даже дышала едва слышно!

– Тебе это папа сказал?

– Я подслушала. – Она ладошкой оттерла с лица слезы. – Я люблю папу и хочу, чтобы он был счастлив.

А я… А я, кажется, нашла правильные слова для малышки:

– Тогда ты должна быть с ним рядом. Он выбрал тебя. Был бы он счастлив с драконицей, которая его не уважает?

– П-почему не уважает? Мой папа – Хранитель Севера!

– Да, – кивнула я, – и твой папа однажды принял решение – любить тебя и растить. И тут появляется драконица, которая говорит целому Хранителю Севера, что он не прав. Что он ошибается. Что она, самая важная драконица, будет указывать ему, какому-то Хранителю Севера, что он должен делать. Ведь сам он глупый и не знает, как правильно жить.

Девочка задумалась. В детской голове никак не укладывалась идея о том, что ее любимый папа может быть глупым.

– Никто не может говорить папе, что ему делать, – проронила в итоге Энни.

– Да, я тоже так думаю. Я слышала, что Харелт Фойртелерн – самый успешный Хранитель Севера за последние столетия.

Мы помолчали, и я осторожно, не желая спугнуть правильные мысли, добавила:

– Так, может, ошиблись те драконицы?

– Меня рвали на части, – Энни обняла себя за плечи, – за то, что моя мать…

– Тебя рвали на части жестокие, глупые дети, – я открыла руки, приглашая дракошку в объятия, – дети жестоких и глупых родителей. Невоспитанные дети.

– Но я все равно остаюсь порченой кровью, – Энни прижалась ко мне, – дочерью воровки крови.

Я осторожно погладила ее по спутанным волосам и тихо спросила:

– Мы знакомы всего ничего, но, как ты думаешь, ты можешь мне верить?

– Могу, – дракошка обхватила меня руками, – я ведь слышала твои чувства.

Согнувшись, я оставила на ее макушке несколько поцелуев и хрипло, но уверенно произнесла:

– Дети не отвечают за грехи родителей, Энбетестир Лайна Фойртелерн. И к героическим подвигам тоже отношения не имеют. Ты та, кто ты есть. Та, кем ты решишь стать. Ты не порченая кровь, малышка. Ты – Энни, крошка-дракошка, которая слишком рано встала на крыло. Ты дочь Хранителя Севера. И ты дочь молоденькой глупой дракошки, которая не смогла сказать «нет» своим старшим родственникам.

– Думаешь, мама не сама захотела так поступить?

– Уверена. – Я вновь пригладила ее путаные локоны. – Давай-ка я тебя заплету, и будем искать выход.

– Я могу…

– Нет, ломать ради меня крылья не надо. На мне храмовая одежда, вокруг тебя я сейчас создам кокон тепла. И мы спокойно дождемся помощи. Уж поверь, Тинран Лерро не тот дракон, который бросит нас без помощи. Да и папа твой рано или поздно ответит на голосового вестника!

Изрядно повеселевшая дракошка покивала, отпустила меня и тут же повернулась спиной.

– Хочу драконий хвостик!

– Будет сделано, – рассмеялась я.

И на несколько минут мы забыли о нашем довольно плачевном состоянии. Я разбирала ее локоны, прядку за прядкой, потом сплетала их в сложную, многоступенчатую косицу, а после мы вместе думали, чем же все это богатство закрепить! В итоге кончик косы мне пришлось взять в зубы, чтобы освободить руки и трансформировать нитку из рукава моей рубашки.

– Я красивая?

– Самая красивая, – уверила ее я. – Ну что, попробуем найти выход?

Мои светлячки все так же кружились по пещере, в которую перешла расщелина. И потому, едва лишь я потянулась к ним, они замельтешили с утроенной скоростью. И вдруг, мигнув, погасли, высветив на мгновение чью-то исполинскую фигуру!

С моих рук сорвалась волна магии, мгновенно укрывшая нас с Энни ледяным шипастым щитом. Если эта хтонь двинется, я размажу её о скальную породу!

– Папа! Ри, это папа!

– Эм, да, – я глупо хихикнула и сама же смутилась от этого нелепого звука, – мне нужно время, чтобы убрать щит такого размера.

Темное пятно за пределами щита меж тем начало уменьшаться и в итоге стало почти неразличимо. Увы, в заклятье я с перепугу влила столько силы, что защита стала практически непрозрачной.

– Полагаю, мне бы сильно не поздоровилось, – раздался с той стороны веселый мужской голос, – вы планировали наколоть обидчика на шипы?

– Простите. – Я старательно втягивала магию обратно и попутно делилась силой с Энни, раз уж чешуйки с запястья не пропали. – Я, эм, никогда не видела взрослых драконов. Да и не ожидала увидеть. Господин Лерро сказал, что вы не сможете покинуть главный храм. Думала, что мы с Энни предоставлены сами себе.

Болтовня отвлекала меня от боли в разодранной руке и от неприятного втягивания силы. Импульсы, уходящие к дракошке, уже никак не ощущались – кажется, я к ней привыкла.

– Я выполнил большую часть работы, – мягко проговорил пока еще невидимый дракон. – Не торопитесь так сильно, вы уже в безопасности, собирайте силу спокойно. Травмированные энергоканалы очень долго восстанавливаются.

– И очень сильно болят, – вздохнула я, – а потом еще и чешутся. А почесать то, чего не существует в физическом мире, невозможно, что бесит до слез.

И я тогда действительно рыдала. Первые недели на фабрике, пока я не научилась чувствовать ту самую грань, после которой идет разрыв энергоканалов, приводили меня в отчаяние.

– Примите мое сочувствие, – сказал Харелт Фойртелерн, – на будущее, если вдруг случится с вами такая беда, используйте зелье «Темная Ночь».

– Оно очень дорогое, – вздохнула я. – Мне не по карману.

Щит наконец, опал и Энни бросилась в объятия отца. Отца, который крепко-накрепко прижал к себе дочь. И тут же, не теряя времени даром, запустил несколько диагностирующих заклинаний. Хмурая складка, залегшая между темных ровных бровей, разгладилась.

– Со мной все хорошо, – прошептала Энни и крепче прижалась к отцу.

«Они почти не похожи», – невольно отметила я, зацепившись взглядом за медовую косу дракошки.

Чуть вьющиеся темные волосы Харелта были пострижены короче, чем принято у людей. Правильные черты лица, уверенная линия подбородка и карие глаза – мы с ним были как будто одной породы.

«Что за глупости в голову лезут», – ругнулась я сама на себя.

Растерев замерзшие ладони, подошла ближе к дракону в ожидании, когда он уже начнет нас спасать. После такой траты крови и магии хотелось есть, спать и жаловаться на жизнь кому-нибудь понимающему. Нонне Шавье, например, или Рифасу.

Дракон же, коснувшись губами макушки дочери, опустился передо мной на одно колено и, взрезав заклятьем левую ладонь, весомо проронил:

– Леди Фредерика Альтиния Дьерран, я, Харелт Ферран Фойртелерн, Хранитель Севера, Привратник Морского Разлома, признаю перед вами долг крови и жизни.

Энни ахнула:

– Папа!

– Птичка, прости меня, – он поднялся на ноги и подхватил дочь на руки, – мой недосмотр привел тебя сюда.

– Со мной все хорошо, говорю же, – пропыхтела Энни.

– На нее напали, – я нахмурилась, понимая, что дракошка смолчит, не расскажет отцу о случившемся, – на крыльях были глубокие борозды, как от когтей. Моя кровь вроде бы заживила раны, но я не уверена. Энни очень быстро превратилась в человека. Еще мне кажется, что я заметила побледневшие участки на коже крыльев, это может быть обморожением.

– Добровольно отданная кровь, превратившаяся в колдовской туман, исцеляет все раны. – Дракон бросил на меня долгий нечитаемый взгляд. – Полагаю, вы – Предназначенная?

– Я, как бы так сказать, ее часть, – смутилась я. – Там все сложно, всеблагой нон Арринтир ничего не сказал толком. Мы спешим к храму, потому что осталось мало времени. Но до какого момента мало времени – непонятно.

– Храм не любит расставаться со своими тайнами, – кивнул Харелт. – Прошу, следуйте рядом с нами.

Дракон повел рукой, и перед нами соткался изящный ажурный мостик.

– Здесь опасно, вы чудом не угодили в червоточину. В этих горах нельзя доверять ни снегу, ни скалам, – проговорил дракон.

– Червоточину? – Я сощурилась. – О чем вы? Мне говорили, что эти горы безопасны.

– Совсем или в определенное время? – Дракон первым ступил на мостик и поманил меня за собой.

– Я не помню, – честно сказала я. – Может быть, в другое время и вспомнила бы, но...

У меня болели руки. Глубокие неровные царапины подкусывал мороз, и ощущалось это на редкость отвратительно. Еще и голова кружилась от подступающего магического истощения. В общем, до воспоминаний ли в такой момент?

– Вы позволите исцелить ваши руки? – Харелт поставил Энни на златотканный мостик и протянул мне обе ладони. – Я не причиню вреда, клянусь.

– Вы уже клялись, – осторожно ответила я, не спеша давать ему свои израненные руки. – А почему вы спрашиваете? По какой причине я могу отказаться от исцеления?

– У драконов не принято принимать целительскую помощь от не-целителей, – легко объяснил Харелт, – если это не колдовской туман, порожденный добровольно отданной кровью.

– Я не дракон, и таких причуд у меня нет.

Мои перчатки были давно потеряны, и потому Харелт смог по полной насладиться шрамом на моей руке.

– У вашей сестры такой же рисунок? – задумчиво спросил дракон и погладил шрам большим пальцем.

Приглушенно охнув, я попыталась отнять ладонь, но дракон не позволил. И жар, зародившийся от этого нехитрого жеста, пробежал по моим венам, задел сердце и затеплил щеки.

– Д-да, милорд Фойртелерн. – Я не сразу вспомнила, о чем он меня спрашивал.

– Харелт, – тут же поправил меня дракон. – У моего имени нет уменьшительно-ласкательного варианта, но оно не длинное, вы справитесь.

– Х-хорошо, милорд Харелт.

– Без милорда, – хмыкнул дракон и, склонившись, своим дыханием согрел мои ладони.

А через мгновение, когда он отстранился, я увидела, что от ран не осталось и следа.

– Вы не договорили про червоточины. – Я легко приноровилась к его размашистому шагу.

– Есть бесчисленное множеств миров, – спокойно ответил дракон, – хорошие, плохие, непонятные – разные, иным словом. А вот пространство между мирами заполнено одним и тем же – дикой магией, которая убивает, видоизменяет и возрождает всех попавших в нее существ. Эти существа потом стремятся домой. Но, будучи измененными, они смертоносны, и мы, драконы, стоим на страже естественных разломов.

– А если закрыть такой разлом?

– Вы видели, как быстро портится стоячая вода? С нашей магией будет то же самое. – Дракон, вновь поднявший Энни на руки, вздохнул. – Никто не против закрыть опасные щели, но, увы, это начнет обратный отсчет нашего мира. Его магической части.

Золотой мостик превратился в лесенку с самоходными ступеньками, которая начала поднимать нас из расщелины.

– Я читала, что такой эскалатор построили в столичной академии магии, – выдохнула я.

– Это был наш дар человеческой академии, – кивнул дракон, – у нас во многих местах стоят подобные движущиеся лестницы.

Через несколько мгновений мы уже были наверху. И на этом самом "верху" было очень людно и драконно.

– Леди Фредерика! – громкий голос Лерро разнесся над снежными просторами. – Милорд, вы нашли их!

– А как же лавина? – хмыкнула я. И, вспомнив о желании Лерро, спешно проговорила: – Тинран надеется, что вы все еще заинтересованы в нем.

– Он изобрел движущуюся лестницу, – грустно улыбнулся Харелт, – и продал патент тайком, чтобы никто не узнал автора.

– Если бы не он, то я бы никогда не добралась до Энни вовремя.

– Если бы не его настойчивость, я бы никогда не добрался до вас с Энни вовремя, – кивнул дракон. – Нам нужно больше свидетелей для признания долга. Мы успели все обсудить.

Я понятливо замолчала. И, увидев укутанную в меха сестру, тихо зашипела: предательница явно собиралась лицедействовать.

– Она столкнула меня в расщелину, – ответила я, когда Энни спросила, отчего я так рассердилась, – и пусть в итоге это сработало на наше с тобой благо, но простить...

– Феномен магически идентичных близнецов, – кивнул сам себе дракон, – были времена в нашей истории, когда одним из детей жертвовали ради усиления второго.

– Фике! Ах, Фике, я так волновалась, – Кристин хоть и голосила, но держалась в стороне. – Благородный лорд, вы спасли мою сестру! Ах, скажите мне свое имя, чтобы я могла...

– Харелт Фойтелерн, Хранитель Северного Предела и отец девочки, создавшей спасительную связь с леди Фредерикой, – холодно произнес дракон.

– А...

– Папа, она связь со мной оборвала, я сначала с ней в пространстве снов встретилась, – громко прошептала Энни.

– Я узнал о вас достаточно, леди Кристин Дьерран. Вы – Предназначенная дракону, и я могу твердо обещать вам две вещи: за ваши поступки будет отвечать ваш дракон. Это во-первых. И во-вторых, поскольку я тоже могу стать вашим драконом, я клянусь, что в этом случае инициирую ритуал Обрыва Связи и навсегда распрощаюсь с выпущенной искрой. – Харелт перевел взгляд на меня. – Еще раз благодарю вас, леди Фредерика. Ваша связь с Энни крепка, и я прошу вас позволить мне о вас позаботиться.

Я, немного растерявшись, пожала плечами:

– У меня все есть, кажется. Нонна Шавье, нон Рифас и всеблагой нон Арринтир хорошо заботятся о моих нуждах. Одежду дали, и вообще…

Окончательно сконфузившись, я замолчала. На мое счастье, Харелт не стал развивать тему, а покладисто кивнул:

– Хорошо, я рад, что о вас достойно заботятся. Вы этого заслуживаете. Я отнесу дочь к целителям и вернусь, чтобы сопровождать вас до главного храма.

– Упругого ветра, Харелт, – я вовремя вспомнила часть «чердачной» лекции и была награждена улыбкой позабавленного дракона.

– И вам, леди Фредерика.

– Просто Фредерика, раз уж вы просто Харелт.

– А для меня – Ри, – важно напомнила дракошка и добавила: – Только для меня.

Харелт рассмеялся, окутался мерцающим пологом и исчез, чтобы через мгновение появиться высоко над нами.

Исполинский черно-серебряный дракон заложил круг и улетел, оставив нас любоваться взметнувшимися вверх снежинками.

Глава 5

Сразу после отлета Харелта и Энни Лерро закинул меня на плечо и унес к шатру, где передал с рук на руки нону Рифасу.

– Леди Фредерика под защитой рода Фойртелерн, – внушительно произнес Лерро.

– Мы и без Хранителя Севера заботились о девочке, – проворчала нонна Шавье. – Долгие годы, между прочим.

На что Лерро выразительно пошевелил усами и хитро прошептал:

– А это и не для вас сказано.

Подмигнув, дракон ушел, а я, тяжело вздохнув, негромко проговорила:

– А для Кристин все эти слова ничего не значат.

– Но ведь она прошла обучение, – оторопела нонна Шавье, а Рифас тут же закивал:

– Иначе бы мы везли ее в малый храм, для учебы!

– Она отличается одной особенностью, – сказала я, а после, вздохнув, добавила: – Мы обе этим отличаемся. Выучив что-то нужное для сдачи экзамена или зачета, мы тут же расстаемся с информацией. Но я с этим борюсь.

– А она? – заинтересовался Рифас.

На что я пожала плечами:

– Мы не общаемся так близко. Но у нее были проблемы с теорией магии.

– Вы учились вместе, верно? – прищурился нон Рифас.

– Почти, я подслушивала с чердака. – Улыбнувшись, я покачала головой. – Мне кажется, учитель Кристин это знал.

– Знал, – подтвердила нонна Шавье. – Мы с ним долго мучили доску, чтобы ты могла ее видеть в своих зеркалах. И чтобы со стороны не было заметно.

Не сдержавшись, я качнулась вперед и крепко обняла нонну Шавье.

– Спасибо.

– Пожалуйста, девочка моя, пожалуйста. – Она погладила меня по голове.

А после непререкаемым тоном отправила меня в постель. Пока я переодевалась в спальный костюм, Рифас принес целый поднос еды. Еды, которой хватило нам троим. Затем я выпила выданные нонной Шавье зелья и уснула, едва моя голова коснулась подушки.

Проснулась я только утром следующего дня. Зато от истощения не осталось и следа.

Легкий завтрак, чашечка ароматного какао и свежая одежда подняли мое настроение на недосягаемую высоту.

– Улыбаеш-шься? – прошипела Кристин, с которой я столкнулась, выйдя из шатра.

Рядом с Предназначенной стояли двое боевых магов, один из которых встал меж нами.

– Улыбаюсь, – я пожала плечами, – а ты нет?

Я смотрела в глаза своей несостоявшейся убийцы и не чувствовала ровным счетом ничего. Там, рядом с бессознательной дракошкой, все мои переживания подернулись изморозью. Все поделилось на «важно-здесь-и-сейчас» и «важно-но-разберусь-потом». И вот сестра, будущая бывшая сестра, – это вторая категория.

– Из-за тебя мы задержались на сутки! – не получая от меня отклика, она попыталась вновь раздуть скандал.

– Нет, мы задержались из-за тебя. Тебе не следовало меня убивать, Кристин. – Я покачала головой. – Как ты до этого додумалась?

– Я не хотела! – Она стиснула кулаки. – Не хотела! Просто... Просто не справилась с искушением!

– Мне тебя теперь простить? – Я вскинула бровь. – Услышь меня, Кристин Лавелия Дьерран: меж нами нет родства. Ты покусилась на мою жизнь и магию. Я отрекаюсь от тебя. Я отрекаюсь от тебя. Я отрекаюсь от тебя.

В каждое свое слово я вкладывала силу. Силу, которая с каждым словом истончала нашу с Кристин связь. Такой простой ритуал не разорвет мою связь с родителями, но с сестрой – да. Теперь у четы Дьерран две дочери, каждая из которых имеет магически-мистическую связь с матерью и отцом, но не имеет ее друг между другом.

– Теперь, даже если ты меня убьешь, полноценной Предназначенной не станешь, – усмехнулась я.

– Зачем ты вообще родилась? – с отчаянием вопросила Кристин. – Зачем я родилась?! К чему было все это?!

– Леди Кристин Дьерран, – голосом всеблагого нона Арринтира можно было замораживать кипяток, – замолчите и не роняйте престиж вашего дракона.

– Ч-что?

– Вам следует вспомнить, что вы, от момента регистрации вашего узора, подчиняетесь законам Драконьих Гор. Вы не будете наказаны, но ваш дракон – будет. Вне зависимости от того, владетельный он лорд или великий маг, законы-на-крови не делают исключений ни для кого.

– Я уже больше не Предназначенная, – выкрикнула она. – И не знаю, как мне жить! Меня растили для дракона, а выяснилось, что это она, она должна была жить под стеклянным колпаком! У меня могла бы быть нормальная жизнь.

– Вряд ли, – хмыкнула я, – учитывая лорда и леди Дьерран, сейчас было бы все то же самое, только имена были бы другие.

Иногда я и правда об этом думала. Представляла, что это я любимая дочь. Правда, мне никогда не хотелось представить себя Предназначенной. Все же меня слишком часто наказывали из-за мнимой «зависти» и попыток рассказать правду.

– Золотая метка с вашей руки никуда не денется, – холодно проговорил всеблагой нон Арринтир. – Вы можете стать Отверженной, если в храме выяснится, что вы Предназначены Хранителю Севера. Такой дракон, как Харелт Фойртелерн, от своих слов не отступает.

– Но он не может от меня отказаться, – прошептала Кристин, – ведь не может же?

– Может, – уверенно произнес жрец. – Искра не вернется в род Фойртелернов, и те на долгие годы потеряют возможность искать и находить своих Предназначенных.

– Моя ветвь, младшая, именно так утратила искру, – хмыкнул один из боевых магов, – но мы не жалеем. Предку такое досталось, что весь род был бы уничтожен. Искру можно заслужить, но… Драконицы никогда не бывают чьими-либо Предназначенными, а значит, нам есть на ком жениться.

– Дарен…

– Простите, всеблагой нон, молчу. – Усовестившийся дракон сделал смешной жест, как будто закрывал губы на замок.

– Лучшее, что вы сейчас можете сделать, леди Кристин Дьерран, – это освежить ваши знания, – сухо проговорил всеблагой нон. – С наибольшей долей вероятности вы станете супругой Хранителя Юга.

– Но у него гарем, – ахнула Кристин.

– Для драконов Юга это нормально, – ровно ответил Арринтир, – и ваши покои будут самыми роскошными. И именно ваш сын будет наследовать род: от Предназначенных рождаются сильнейшие дети.

Кристин обхватила себя за плечи и подняла на меня полные слез глаза.

– Прости меня, прости… Я не понимаю, что пошло не так. Я не понимаю, почему все это произошло.

– Потому что тебе все было можно, – спокойно ответила я. – Потому что лорд и леди Дьерран позволяли тебе абсолютно все и ты этим пользовалась. А теперь вокруг обыденная жизнь и никто не стоит между тобой и реальностью. Но скоро супруг укроет тебя от нас.

– И вы останетесь наедине с супругом и его возлюбленными, – из-за моей спины проговорил нон Рифас.

И в его тоне было столько почтительности, что становилось абсолютно понятно: издевается.

– Нон Рифас, не нам судить мирскую жизнь, – строго проговорил всеблагой нон Арринтир.

– А я не сужу, – безмятежно улыбнулся нон. – Просто огорчительно, что выбирать Предназначенная может лишь в момент принятия искры. Чаще всего это происходит в слишком юном возрасте.

– Не слишком ли вы разговорчивы? – Арринтир шевельнул бровью, и Рифаса как ветром сдуло, затем старик обратился к Кристин. – Мы выезжаем через тридцать минут. К вечеру будем в главном храме.

Всеблагой нон ошибся, но ненамного: мы выехали через час. Что уж там происходило в шатре Кристин, я не знаю, но вопила моя сестра знатно.

Уже в санях, укутанная в две пушистые шкуры, я узнала, что к сестре прибился снежный прыгунок.

– Смешной зверек, – с улыбкой проговорил нон Рифас, – вот такой.

И он создал иллюзию белоснежного толстопузого зверька с большими круглыми розовыми ушами и умненькими глазками-бусинками.

– Обратите внимание на лапы – это настоящие снегоступы. Снегоступни, – посмеялась нонна Шавье.

И правда, у небольшого, в общем-то, зверька лапки были с человеческую ладонь.

– Это третий класс разумности, – нон Рифас развеял иллюзию, – на них одно время мода была, расплодили. А потом повыкидывали обратно в горы. Только вот они уже не могут без людей, потому навязываются абы кому. Странно даже, что наш обоз только одного прыгунка привлек.

– Так время-то какое, – напомнила нонна Шавье, – драконьи дети на крыло встают, вся жить и нежить прячется.

– Он опасен? Почему Кристин кричала? – с интересом спросила я.

– Прыгунок любопытен. Он залезет во все хозяйские вещи, все посмотрит, попробует. Они потому из моды и вышли, что косметика дорогая, не напасешься, – хмыкнул нон Рифас. – У меня у сестры прыгунок. Она радуется, что он уже старый и никуда не лезет. А так чуть не плакала, каждый месяц обновляя запасы зелий и косметики.

– Но не выкинула ведь.

– Да вы что, – Рифас замахал руками, – как же его выкинуть? Они ведь ласковые, мурчат, как кошки, ластятся. Вообще, если прыгунком играть, то он особо и не шкодит. Эти зверики по характеру на собак похожи: если с собакой заниматься, то она не будет грызть хозяйские туфли.

Нонна Шавье припомнила, как однажды к дверям ее храма подбросили целую корзину прыгунков.

– Они посолили котел с чаем и посластили суп, перепутали все травы в зельеварне, – посмеивалась нонна, – это была ужасная неделя. Всеблагая нонна Ливария взяла потом эту корзину и пошла одаривать детей прихожан. И судя по тому, кому достались прыгунки, это была месть, пусть и не спланированная.

– А если их выбросили?

– Что вы, всеблагая нонна Ливария еженедельно справлялась о том, как живется храмовым прыгункам, – по-девичьи хихикнула нонна Шавье. – А другие драконьи лорды и леди

тут же перестали пренебрегать службами в храме. Поняли, что тоже могут бескорыстный дар получить.

Мы посмеялись и замолчали. Я немного подремала и проснулась оттого, что кто-то выключил свет.

– Мы уже приехали? – Я сонно потянулась и ахнула, поняв, что нас просто накрыла исполинская драконья тень.

В артефактных санях нас ехало четверо: мы с нонной Шавье и Рифасом как балласт и Лерро, которой управлял санями. Неслись мы впереди всех, путь намечали. Но, как мне кажется, Тинран просто страшно любил скорость и не любил пропускать кого-либо вперед.

Так что, когда лорд Фойртелерн перевоплотился в человека и полетел рядом с санями уже в человеческом облике, мы быстро освободили для него место. А то мало ли заклятье левитации засбоит?!

– Это вам, леди Фредерика, – в руках дракона была изящная корзинка, – горячий шоколад и ванильные пирожные.

– Из илваранской шокотраттории, – ахнула нонна Шавье, – как вы успели?!

– Захотел, – тонко усмехнулся дракон.

И, ставь серьезней, вытащил из-за пазухи расшитый колдовскими знаками браслет.

– Это защита и знак покровительства. Прошу вас, леди Фредерика, принять его в дар от сего момента и до вашей смерти.

– До моей смерти? – Я нахмурилась. – Поч… о!

То есть вот что он имел в виду там, в пещере. Мамочки, легендарный драконий дар – защита и покровительство на всю жизнь.

– Я поняла, милорд, – севшим голосом произнесла я и протянула ему руку. – Принимаю дар с почтением и благодарностью.

От простенького золотого браслета с гербом-подвеской фонило холодной, немного колючей магией. Но я, ничуть не пугаясь, поднесла запястье к лицу и коснулась герба губами. После чего повторила:

– Принимаю с почтением и благодарностью.

– Угощайтесь, горячий шоколад в наколдованных стаканчиках. Как только допьете, коснитесь вот этого значка, и стаканчик исчезнет. – Харелт улыбнулся. – Я буду присматривать за вами сверху.

– Спасибо, – нон Рифас взял один из стаканчиков и передал Лерро, – удержите и то, и то?

– А то ж, – довольно отозвался усатый дракон, – а то ж!

Лорд Фойртелерн вновь подхватил себя левитацией и в стороне от нас перевоплотился в дракона. Поднявшись наверх, он будто замер – находился точно над нашими санями и ни на крыло в сторону!

– Эк его разобрало, – крякнул нон Рифас и тут же получил затрещину от нонны Шавье.

– Молчи, пока ничего не испортил!

– О чем вы? – удивилась я.

– Вот да, о чем вы? – надулся Рифас, став выглядеть еще моложе.

– Ты не посвящен? – ахнула нонна и тут же извинилась: – Прости, прости. Я думала, ты от глупости языком мелешь, а ты от незнания. Не могу я ничего сказать. Только попросить, чтобы вы, леди Фредерика, попросили браслет спрятаться. У таких артефактов есть подобие разума. Попробуйте с ним договориться.

Я кивнула и взяла стаканчик с шоколадом. Харелт накупил столько, что нам хватило не по одному разу! И все это время я на разные лады пыталась связаться с артефактом.

Когда небо потемнело, я признала:

– Боюсь, что у меня не получится. Видимо, его задача быть как можно более заметным!

– В смысле? – зевнул нон Рифас. – Я уже с час не чувствую силы Фойртелерна.

– Да? А я все еще чувствую, – удивилась я, уже привыкшая к колкому холоду, шедшему от браслета.

– Так то вы, он же работать-то не перестал. – Риф потянулся. – О, чувствую храмовые щиты. Пара минут осталась – и вы увидите невероятную красоту!

Нонна Шавье ахнула и тут же вцепилась в бортик саней.

– Леди Фредерика, не надейтесь на удачу, держитесь! Сейчас мы пойдем почти вертикально, а после будет резкий спуск.

Риф вцепился в свой бортик, а я, сидевшая напротив них, прижалась к правой стороне.

А через пару мгновений мы начали крутой подъем. Да еще и на такой скорости, что сани взревели, вырабатывая магические кристаллы почти до нуля.

У меня закружилась голова, и я прикрыла глаза, чтобы широко распахнуть их в момент, когда подъем прекратился и мы замерли в неподвижности.

– Я выиграл нам несколько минут, любуйтесь.

Вначале я не поняла, о чем говорит Лерро, а после, выглянув из саней, увидела просто невероятную картину!

Уже давно стемнело. На удивительно близком небе ярко горели звезды, а от их света горел и снег. И вот сейчас мы замерли над глубокой природной чашей, на дне которой, в оправе из снега и льда, замерли храмы. Отсюда они казались почти игрушечными!

Каждый храм был опутан паутинкой магических светлячков. От строения к строению тянулись освещенные дорожки, что витиевато петляли меж глыб льда и ледяных скульптур.

– Через пару месяцев этого грубого ледяного кошмара не будет, а все будет в фигурах. Вон того дракончика я вырезал. – Рифас, сидевший спиной по ходу движения, сейчас извернулся и почти свисал с саней.

А вот нонна Шавье была куда аккуратней, она лишь слегка повернулась и, указав на темную громаду гор напротив нас, на той стороне «чаши», проговорила:

– А вот там, наверху, скрывается Старший храм. Он, как вы понимаете из его названия, самый старый.

– Это его отсветы на небе? – ахнула я, показывая на освещенный участок снеговых туч.

– Да, – с гордостью подтвердил Рифас и чуть не выпал из саней.

– Нам вон туда, в главный храм. Скорее всего, оттуда нас отправят в малый – подождать, пока завершится большая медитация. – Лерро махнул рукой куда-то налево.

Он не поворачивался к нам лицом, так что оставалось только гадать, в каком положении были его усы – приподнято-веселом или раздраженно-усталом.

– Медитация завершилась уже, – мягко напомнила нонна Шавье, – ну или близка к завершению, ты же знаешь, что все сроки примерны. А вот после медитации храм закрывается на несколько дней, чтобы вся излишняя сила впиталась в каменные стены и укрепила щиты.

– Держитесь, пронесемся с ветерком! – крикнул вдруг Лерро.

Я, ахнув, вцепилась в бортик саней, и мы понеслись с такой скоростью, что у меня с головы сорвало вязаную ленту, что защищала от холода и одновременно удерживала волосы в узле!

– Мы на месте! – гордо возвестил Лерро и повернулся к нам. – Ой. Леди Фредерика, у вас, кажется, волосы растрепались.

А у меня не "кажется", у меня действительно растрепались волосы. Моя непослушная грива рассыпалась на локоны-пружинки, и я с ужасом представляла, как буду все это расчесывать.

– Вы прекрасны, душа моя.

Признаться, не заорала я только потому, что во время спуска горло перехватило спазмом и сейчас заорать просто не получилось.

– Милорд Эрвитар, ваша Предназначенная следует в иных санях, – ровным, чуть скучающим и очень храмовническим тоном проговорил нон Рифас.

– Нисколько не сомневаюсь, ведь недаром у меня два букета. – Дракон, появившийся из ниоткуда, протянул мне пышный букет.

– Приношу свои искренние извинения, но я не могу принять столь дорогой дар от незнакомого мужчины, – проронила я наконец. – Отойдите, пожалуйста, мне не выйти.

Дракон отошел и с неприятным смешком спросил:

– Вам не страшно?

– Не слишком. Если бы кому-то из нас грозила смерть, уверена, всеблагой нон Арринтир не стал бы этого скрывать, – рассеянно проговорила я и, не стесняясь пристального взгляда, потянулась. – Как же хо-ро-шо! Хотя мысль о лавине не дает мне покоя, мы ведь в низине.

– Магия не позволит случиться такой беде, – хмыкнул дракон.

В этот момент начали подъезжать другие сани, и Эрвитар, одарив меня странным долгим взглядом, поприветствовал Кристин, чьи сани остановились рядом с нами. Она, негромко рассмеявшись, радостно приняла букет и принялась многословно благодарить дракона.

А он, повернувшись ко мне, наставительно произнес:

– Вы видите, как следует принимать цветы?

Кристин замолчала, а после раздался ее подрагивающий голос:

– Вы дарили цветы Фике?

– Фи-ке? Это имя или кошачья кличка? – с интересом спросил Эрвитар.

– Домашнее имя, – уточнила Кристин.

И я была уверена, что сейчас на ее губах цветет гаденькая ухмылка.

– Что ж, я пытался поприветствовать Фике цветами, но, увы, она их не приняла.

– Могу ли я спросить, для чего вы это сделали? – я едва расслышала этот вопрос. А вот ответ заставил меня усмехнуться:

– Я знаю о вашей ситуации чуть больше, а потому не могу быть уверен, кого именно мне следует обольщать.

«Обольщать?!» Мне немного подурнело. Я могу представить, как можно жить с Шордагом. Трудно, порой невыносимо, но если задаться целью, то и его можно продавить. В конце концов, я колдунья и могу разное. Но жить в гареме… Нет. Ни за что. Ни при каких условиях.

– Идемте, – шепнул Рифас, – я знаю короткий путь, если вы не боитесь идти по не слишком освещенным тропинкам.

– Ведите, нон Рифас, ведите.

И мы, не теряя из виду Рифа, ловко растворились в густой тени, что давали валуны и огромные ледяные фигуры.

Поворот, поворот, ледяной мостик, усыпанный сияющими звездочками, и мы, наконец, входим в главный храм.

– В преддверие храма, – поправил меня Рифас. – В основной зал попасть не сможем, он и правда закрыт. Но нонна-хозяйка пошлет нас в нужном направлении.

Мы прошли по гулкому полутемному помещению к ярко освещенному островку с конторкой. Рядом с оной конторкой стояли две женщины, и, когда мы подошли ближе, стало ясно, что они не то ссорятся, не то сплетничают. И если одна из них в храмовой одежде, то на второй и шелка, и мех, и золотой венец – это не просто дама, а целая драконья леди!

– Что он себе позволяет?! Предположить, что наши дети могли напасть на его ошибку... Немыслимо.

Напасть? Дети?

– Доброй ночи. – Я решительно вышла на освещенный пятачок.

– Леди Предназначенная, – нонна-хозяйка поклонилась мне, – вы уже прибыли!

На лице драконицы отразилось вежливое ожидание. Но я продолжила разговор с нонной-хозяйкой:

– Я половинка от Предназначенной. Вторая часть еще на улице.

– Вам бы стоило вспомнить о своем обучении, – процедила драконица, не дождавшись от меня ни приветствия, ни поклона.

– Вам стоило бы вспомнить и передать другим, что дети неприкосновенны для всех, – холодно посмотрела я, – вот это стоило бы вспомнить. А этикет… Бывают такие леди, которым он помочь не в силах.

– Какая храбрая мышка, – на губах драконицы зазмеилась неприятная усмешка, – смелая мышка. И кто же ты такая, что смеешь так со мной говорить?

Вероятно, это была какая-то очень важная драконья леди. Вот только… Вот только передо мной как наяву встала поникшая Энни. Энни, которая и правда верила всем этим крылоящерам, что она, крошка-дракошка, хуже остальных лишь из-за глупости матери.

– Отворив свою кровь, я врачевала изорванные крылья малышки Энни, – ровно проговорила я, глядя драконице точно в центр лба.

– Вы не посмеете свидетельствовать против моей семьи!

Вот только голос ее дрогнул.

– Посмею, – жестко произнесла я. – И не утаю ничего, абсолютно ничего.

– Мой сын тоже пострадал! Он потерял семейный поисковый артефакт истинного пути! Если мы не найдем его, то...

– Потеря артефакта равна потере крыльев? Потере жизни? У вас очень неприятные нравственные ориентиры, леди.

– Я из рода...

Но от этих слов я просто отмахнулась:

– Мне неинтересно, я под покровительством рода Фойртелерн, и это все, что мне нужно знать, не так ли?

– Он признал перед вами долг? – Лицо драконицы посерело. – Он настолько ценит ее?! О Мать Пресветлая...

Драконица, не прощаясь, развернулась вокруг своей оси и исчезла во вспышке золотисто-алых искр.

– Да, – задумчиво произнес Лерро, – так сестру Хранителя Запада еще не приветствовали.

– Вы думаете, Харелт спустит им боль дочери?

– Он их разнесет, – с удовольствием произнес Лерро. – Раньше повода не было: за гадкий шепот трудно призвать к ответу.

– Нон Рифас, проводите леди в третий гостевой домик. Вы, господин Лерро и нонна Шавье, можете остаться в большом гостевом доме.

– Может ли леди Фредерика отправиться с нами? – спросил Рифас. – Или мы могли бы занять пятый дом, там спальни в разных флигелях.

– Даже так? – непонятно произнесла нонна-хозяйка. – Хорошо. Возьмите ключ.

Мы, поблагодарив добрую женщину, отправились все тем же коротким путем в пятый дом.

– Нас ждут горячая вода, вкусная еда и мягкая постель на деревянных ножках, – мечтательно произнесла нонна Шавье. – Я стала слишком старой для таких путешествий!

Харелт Фойртелерн

Хранитель Севера

Энни спала, вцепившись в собственное запястье: очевидно, что духовная связь с юной человеческой колдуньей закрепилась именно за одну из жизненно важных магических жил.

Отложив книгу, Харелт поднялся на ноги, поправил на дочери одеяло и вышел. Иногда он думал, что, возможно, сломал Энни жизнь. Что общество не примет его малышку и ему придется искать ей пристанище в людском королевстве.

Увы, драконы жестоки настолько же, насколько и милосердны. Сироту, потерявшего родителей, будет опекать весь клан. Ребенка, рожденного вне брака, этот же клан уничтожит. И пусть в прошлом, в очень далеком прошлом, это было объяснимо, но сейчас… Сейчас это не возможно объяснить ничем.

Выйдя из покоев дочери, Харелт увидел молодого Кроиса, что терпеливо дожидался Хранителя Севера.

– Вас вызывают через переговорное зеркало.

– Эрвитар?

– Нет, милорд, это хранитель Запада, Аргастис. – Кроис поклонился. – Кажется, это из-за нападения на леди Энбетестир.

Харелт нахмурился и вдруг, сам того не желая, вспомнил человеческую красавицу. Немного сердитую и решительную, готовую защищать маленькую драконицу от всего на свете. Тот момент, когда Фредерика выставила щит и приготовилась сражаться, он не забудет никогда. Слабая человеческая колдунья была готова на все, чтобы защитить чужого ребенка. А он, Харелт Фойртелерн, Хранитель Севера, отступит? Позволит дипломатическим уловкам вновь свести конфликт на нет?

«Не позволю».

– Спроси, Кроис, – бросил Харелт, почувствовав нетерпение секретаря. – Ты же знаешь, что мы чувствуем яркие человеческие эмоции.

– Почему, милорд? – тут же выпалил молодой маг. – Я живу в ваших землях уже пять лет и столько же служу вам, но не могу понять, отчего драконы так относятся к молодой леди.

Харелт тяжело вздохнул, но принялся объяснять то, что иные драконы предпочитали скрывать:

– Сразу два фактора, Кроис. Во-первых, дар может уйти из семьи. Смотри, если взять род Лисандир, то у них старший сын всегда становился сильным огненным стихийником. Но полвека назад семье Верран удалось подловить юного наследника, и его старший сын родился у дочери Верранов, без брачного ритуала. То есть дар огня из семьи Лисандир ушел.

– Это… Это так странно. А почему только старший сын?

– Потому что в момент зачатия происходит обмен энергией между отцом и матерью, – спокойно сказал Харелт. – Я не ритуалист, но та самая энергия, которую отец отдает матери, она не бесконечна. Старший ребенок сильней, младший чуть слабей, третий ребенок в семье драконов может и вовсе родиться бескрылым. Это, разумеется, не касается семей, где мать – Предназначенная.

– Я понял, – кивнул Кроис, – но леди Энбетестир осталась в вашем роду, так почему же…

– Потому что есть и другая причина, более… Более серьезная, как по мне. Людям вредят близкородственные браки?

– Очень, – поежился Кроис. – Если, там, двоюродное или троюродное родство, то еще, может, и ничего… Но все равно опасно.

– У пары драконов, если между ними есть родство, рождаются очень красивые и очень, очень одаренные дети, – в голосе Харелта послышалась тоска, – они умны, они прекрасно развиваются.

– Чувствую подвох, – севшим голосом проговорил секретарь.

– Когда наступает половое созревание, эти умные и одаренные драконы и драконицы сгорают в собственном пламени. Медленно и мучительно. И раньше, до изобретения нынешнего брачного ритуала, никто не был застрахован от такой судьбы. Потому всех рожденных вне брака драконят отдавали в храмы – это была гарантия того, что они никогда не женятся и не

выйдут замуж. Ведь отец не всегда известен, и потому… Потому эти дети были обречены на довольно безрадостную жизнь.

– А новый ритуал спасает, да?

– Новый ритуал показывает, может ли драконья пара иметь жизнеспособных детей. И если нет, то жрецы накладывают и на жениха, и на невесту проклятье бесплодия, направленное друг на друга. На тот случай, если они решат быть вместе, невзирая на результат обязательного предсвадебного ритуала.

– Как все сложно, – вздохнул Кроис и распахнул перед Харелтом дверь в переговорную.

– Останься снаружи, – бросил Фойртелерн. – Аргастис, чем могу помочь?

Задав вопрос, Харелт сел в массивное кресло, что стояло перед ростовым зеркалом. Зеркалом, которое отражало совсем другую переговорную комнату.

Аргастис, бледный и осунувшийся, криво улыбнулся.

– Думаю, мы оба знаем, по какой причине я с тобой связался.

– Думаю, да, – кивнул Харелт и вновь замолчал.

Женщина, стоявшая за спиной Хранителя Запада, была его сестрой. Супруг ее погиб при прорыве через пустынные врата, и брат взял на себя заботу о младшей сестре.

– Случилось недопонимание, и мы хотим принести свои извинения, – резко произнесла женщина.

И Харелт удивленно вскинул брови.

– Недопонимание? Я взял воспоминания у своей дочери, желаете ознакомиться?

– Нет!

– Да, – кивнул Аргастис, – Иннелия, тише.

Харелт извлек из колдовского измерения тускло-серый шарик с воспоминаниями Энни и левитировал его к зеркалу.

Зачарованная поверхность сыто чавкнула, принимая в себя сгусток магии. Когда зеркало отразило воспоминания Энни, Харелту пришлось приложить усилия, чтобы не отвести взгляд.

– Артефакт истинного пути привел меня сюда? – высокий насмешливый голос молодого дракона раздражал слух. – К этой ошибке?

Зрители смотрели глазами Энни и потому не могли пропустить поволоку слез, застившую взор девочки.

Как не пропустили и первый удар, уронивший драконочку на снег. Больше, кроме янтарно-зеленой чешуи и крови, они не увидели ничего: малышка закуталась в крылья и не раскрывала их до тех пор, пока ее не столкнули в расщелину.

– Там тебе самое место, твой несчастный отец еще спасибо скажет.

Энни смотрела на свои крылья, и ее отец, истинно несчастный в эту секунду, и иные зрители могли «насладиться» зрелищем растерзанных крыльев и крови, что крупными каплями пятнала снег.

Воспоминания закончились, и зеркало вновь отразило Аргастиса и его сестру.

– Итак, в какой форме ты хочешь получить мою благодарность? – Харелт даже не пытался сдержать ярость.

– Мы принесем свои искренние извинения, – хрипло проговорил Хранитель Запада.

– Этого недостаточно, – жестко произнес Фойртелерн. – Артефакт истинного пути привел твоего племянника к моей дочери – это значит, что он может стать ее парой. У дракониц, по счастью, может быть несколько подходящих партнеров.

– Харелт…

– Я хочу, чтобы ты поклялся провести церемонию отречения Искры для своего племянника, – холодно и спокойно произнес Хранитель Севера. – Завтра мы будем в главном храме, где жрецы проверят, является ли моя дочь парой для твоего племянника. И если да – ты лично уничтожишь его Искру.

– Мы заплатим столько, сколько…

– Боль моего ребенка не измеряется ни в золоте, ни в драгоценных камнях, – с легким отвращением произнес Харелт. – Также, вне зависимости от того, что произойдет в храме, торговые отношения между Западом и Севером приостановлены на десять лет.

– Мы не выживем без ваших накопителей! – Аргастис подался вперед. – Ты с ума сошел?

– Закупишь необходимое через восточников, – пожал плечами Фойртелерн, – какая мне разница? Твой племянник позволил себе напасть на мою дочь – разве это не твое упущение?

– Он признал долг перед человеческой девицей, что даже Искру в себе удержать не смогла, – тихо проговорила бледная до зелени драконица. – Собирает вокруг себя калек…

– Завтра, Аргастис, – Харелт выразительно улыбнулся, – иначе меж нами будет дуэль.

Повелительно взмахнув рукой, Фойртелерн погасил зеркало и, поднимаясь из кресла, усмехнулся: храбрая человеческая малышка научила большого и грозного дракона защищать семью.

«Надо чем-то порадовать юную Фредерику. Ее глаза так сияют, когда она счастлива», – пронеслось в голове у дракона.

– Кроис, подготовь каталоги тех ювелирных домов, что готовы работать и днем и ночью, – приказал Харелт, выходя из переговорной, – и пусть целитель аккуратно возьмет кровь Энни. Не собираюсь тащить малышку на встречу с этими, мгм, сородичами.

Глава 6

Фредерика Альтиния Дьерран

За завтраком мы собрались в общей гостиной. Вчера я не рассмотрела дом, зато сегодня смогла вдоволь по нему нагуляться. Больше всего меня порадовали высокие окна, что открывали невероятный вид на ледяные фигуры.

– Здесь останавливаются знатные особы, – нонна Шавье варила какао и одновременно рассказывала о доме. – Ума не приложу, как у Рифаса хватило наглости попросить ключи!

Сам нон Риф только улыбался:

– За спрос денег не берут! Что с меня, убудет, что ли? Да так да, нет так нет!

– Далеко пойдешь, если нигде не споткнешься, – проворчала нонна и поставила перед нами горячие булочки и какао. – Налетайте. Чувствую я, что недолго нам покоем наслаждаться.

Слова нонны Шавье сбылись: не прошло и часа, как за нами прислали юную послушницу. Она, задыхаясь от быстрого бега, сообщила, что уважаемые лорды ждут меня в главном храме.

– Интересно, – нонна Шавье смотрела в окно, как девчонка бежит обратно, – у всеблагого на побегушках совсем другие дети.

– Наверное, это из-за Хранителя Запада, – нон Рифас тяжело вздохнул, – он едва справляется со своими пустынными вратами, а еще и сестра живет с ним. И постоянно ей то ба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.